

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ

25-го марта 1929 г.

П Р А Г А

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

32

32

ВИЛЬНЕ
ВОЛЫНОЕ

25-го березня 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Владимир Поляков*: * * * Стихи.
 2. *Ис. Быкадоров*: Загадки казака Д. З. С. в Москве Белокаменной.
 3. *Я Рудик*: * * * Стихи.
 4. *С. Савицкий*: Вівтарь погас...
 5. *Д. Воротынский*: Мечта.
 6. *Константин Поляков*: * * * Стихи.
 7. *Павел Поляков*: Степному народу.
-
8. Ласточка, не сделавшая весны.
 9. *О. Долинский*: Евразийство.
 10. Инж. *В. Бейсуг*: К проблеме нашего экономического возрождения.
 11. *Я. Лопух*: Кубанская старина и новина.
 12. *Борис Кундрюцков*: Румыния и Казакия.
 13. *Казак Бидолага*: Кавказское восстание.
 14. *Шамба Балинов*: Сезонное убеждение.
 15. Думы и мысли: До братів козаків. *Вл. Куртин*. Воспоминания. *И. Евсиков*. Мысли о судьбах своего народа. *Э. Бурульдушов*. Казаки о „В. К.“. Не казаки о „В. К.“. Письмо в редакцию. *Старый Донской Казак*.
 16. В СССР.
 17. Международная жизнь.
 18. Казачья эмиграция.
 19. В Казачьих Землях.
 20. Библиография.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Париж. — М. Б. — Ответ — письмом.
Югославия. — М. З. Ответ — письмом.
Франция. — С. М. — Получено. Привет!
Югославия. — А. Г. — Получено. Ответ — письмом. Привет!
Виши. — Ф. Е. — Фотография получена. Пришлите к ней текст. Остальное — письмом. Привет!
Братислава — И. Б. — Получено. Спасибо.
София. — П. Н. — Получено. Привет!
Польша. — Б. Ф. — Получено. Журнал посылается. Привет!
Белград. — Н. П. — Спасибо на добром слове.
Польша. — А. М. — Одержали. Відповідь буде листом. Вітаємо!
Польша. — М. А. — Небольшие суммы лучше всего нам пересылать в заказных письмах.
Румыния. — В. Е. — Получено. Ответ — письмом. Привет!

Румыния. — Г. Д. — В тех странах, где есть представитель журнала „В. К.“, подписную плату лучше всего направлять через него.

Далмация. — В. К. — Получено. Ответ послан.

Польша. — В. Е. — Получено.

София. — З. — Письмо Ваше получено. Во многом ошибаетесь. Будем спокойнее. Будет лучше для В. К.

Бельгия. — И. Е. — Получено. Хорошо. Привет!
Париж. — Т. — За присланное — спасибо. На анонимки не стоит обращать внимания.

Франция. — С. М. — „Картинки“ получены. Привет!

Брно. — Лак. — Получено. Псевдоним допустим, но редактор должен знать и подлинное имя. Может гарантировать тайну.

Югославия. — П. К. — Получено. Привет!

В ночь на 18 сего марта в Праге Чешской внезапно скончался (от разрыва сердца) секретарь редакции журнала „В. К.“, казак ст. Каменской В. В. Д.

Юрий Федорович Гончаров

(родился 26/XI-1903 г.)

О чем с глубоким прискорбием извещают: редакция и сотрудники „В. К.“

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков.

Београд, Кочина ул., 1.

В БОЛГАРИИ

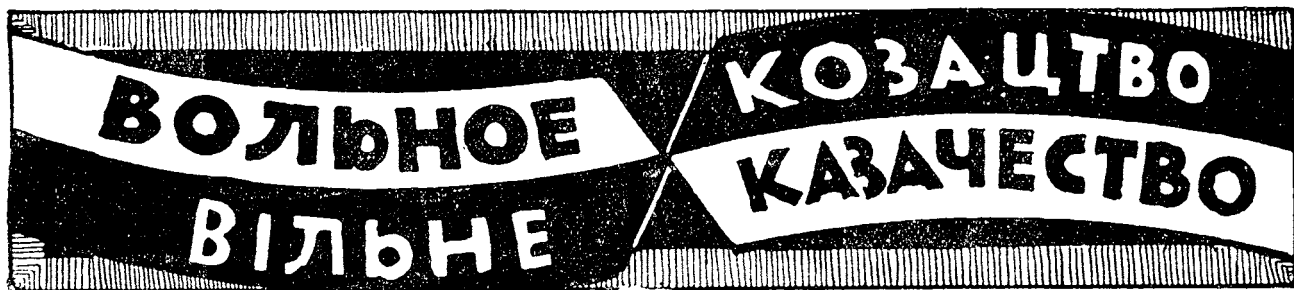
П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 32

Прага, понедельник 25-го марта 1929 г.

№ 32

Владимир Поляков.

(Брно).

* * *

В мою душу вползают сомнения:
Уж придет ли страданьям конец?
Мы давно ожидаем мгновенья —
С головы снять терновый венец.
Мчатся годы тяжелой разлуки,
Нет уж сил, чтобы дольше терпеть.
Ах, скажите, за что эти муки,
Неужели-ж нам вечно скорбеть?
Неужели в чужбине далекой,
Средь чужих бессердечных людей
Суждено отцвести одиноко,
Не увидев родных куреней?

Неужели-же в воды родные
Дона-Батюшки нам не глядеть,
И напевы, давно забытые,
На Родимой Земле нам не петь?

Не увидеть нам степи широкой,
Не вдыхать аромат чебурá;
И не слышать там клекот далекий
Утонувшего в небе орла? .

Неужель на безбрежной равнине
Не обманут миражи нас вновь;
И бродящих по прянной полыни
Мы не встретим родных табунов?..

Нет! В душе моей вера таится:
Близок наших страданий конец;
Из неправды вновь правда родится
И терновый с нас снимет венец.

Ис. Быкадоров.

Загадки казака Донской Зимовой Станицы в Москве Белокаменной.

(Старобытный сказ).

(Окончание).

Выпили еще по чарке, теперь купец напил уже настойки разнотравной, как говорил, от болезней всех сущих и будущих.

И вопрошает купец казака:

— „Да откройся, Михайла Гаврилыч, успокой меня, никак уразуметь того не могу, как это ты прознал, что вложил то боярин аршин не железный, а деревянный: сказать ведь, некому было, в лавке то нас всего двое и было: я да боярин“.

Усмехнулся казак и говорит в ответ:

— „Слыхал ты, Селевентий Пафнutyч, что я на потехе рек. Да еще тебе скажу: бывает как случится на море в походе быть, как разыграется буря, погода ветренная, валы водяные выше наших теремов боярских поднимаются, иной раз в ровень с церковными маковками, как кинет струг, ровно в пучину морскую провалится; так случается, что света Божьяго не взвидишь; тут, брат мой, неколи раздумывать, по семи раз примеряться, месга свербячие почесывать. Не туда правильным веслом повернул, или не во времени, поминай как звали, враз вверх брюхом струг перевернется: поприбавятся на Тихом Дону вдвоиц из жен казацких, сирот из малых де-

тушек. Да и то ль еще бывает. Потому Господь дал казку глаз острый и разум такой же во спасение.

— „И к чему это он, — думает купец: про походы морские мне, купцу рассказывает, захмелел что ли? Да нет, ни в одном глазу не видать. Ну да побождуй, в другой раз, а может и ныне, как малость ушьется... и сам откроется или я его выпытаю“.

Попотчевал купец Михайла Гаврилыча иными настояями самодельными, а тот пьет да похваливает, особой и принуды не ждет; по казачьему: коль положено — так и с'едено, коль налито так и выпито.

И стал просить купец еще казака.

— „Окажи благодеяние свое до конца, Михайла Гаврилыч, Христом Богом прошу: не сказывай, пожалуйста, никому, что аршин то был деревянный, как поставец ты свк. Как дойдет то до боярина Плещеева, прознает, что я его, будто как обманул, беды, злокозней мне от него не обобратся, а мне еще с долгом надобно развязаться... со света сживет. Да еще за одно уж тебя, Михайла Гаврилыч, еще об одном прошу, поддержи ты меня. Взял я это себе половинки поставца, тобой пересеченного, а после их ухоронил, что ввек их

никому сыскать, одно сказать, что их и нету. А вопрошают меня люди многие, любопытствуют поглядеть, как поставец пересечен тобой. Да как же их, Михайла Гаврилыч, покажешь: товар то был не совсем добротный, всего малость и сгубленный (разглядят окаянные), потому я и не продавал никому его, совесть имею. Всего один поставец и был, да поиди, уверь наш народ. Бог знает, что станут сказывать, по всей Москве „ославят“, кто ж как не свой брат купец о том постарается. Так против того, Михайла Гаврилыч, я сказывал, что поставец ты забрал, по праву де твой, так ты уж того не открывай, что я его взял, Христом Богом прошу.

А боярин, боярин то Плещеев каков? Послухать только, что народ о нем банить стал, ну, да наши чего не скажут; говорят боярин де с нечистой силой то знается, заклятие на аршин де наложил: „в огне не сгореть и в воде не тонуть“. Ну, да о том я тебе апосля пораскажу.

Так ты уж Михайла Гаврилыч, что поставец у тебя — не отрекайся, а аршин то, что был деревянный никому не сказывай, а не то большая беда может со мной приключиться“.

И стал купец казака снова потчевать, а тот и говорит в ответ, вопрошает:

— „Да тебе то, Селевентий Пафнутьич, кто сказал, что аршин, как я поставец сек, был деревянный?“

— „Да какому же ему быть, ежели всунул то сам я самолично деревянный? А какой же аршин то ты пересек Михайла Гаврилыч?“

— „Железный“, — сказал на то Гудима: сам то я, чай, половинки его в руках держал; я али кто в воду их кинул?

— „Да как же это железный, что за притча, в толк не возьму? Ум то у меня совсем спутался“.

— Да так уж, и разуметь нечего, дело простое“, — ответил Гудима и принялся за кабарку гусиную, что перед тем хозяин на блюдо ему положил. А купец так и остолбенел, на казака глядячи, глаз не сводит, уставился. Не навождение ль то, да и сам казак не оборотень ли, не перевертень ли? Сидит купец молча, слова не промолвил, покель казак так малость закусывал, перекрестился да и спрашивает:

— „Не уразумею я — говорят половинки то плавали, как ты их в воду кинул, то люди, которые видели, сказывают, как же это железные поплыть могли?“ — вопрошает купец.

А никто и не видел того, кроме Степана Коракара, как в самом деле Гудима их в прорубь бросил и под крыгу подсунул. Вдвоем они то и проделали.

— „А не слыхал ты от тех, кто тебе то сказывал, что аршин то ко дну пошел, как я перекрестил да окунул его, как же с железным могло то статься, нешто дерево может тонуть, поразмыслил ты?“

Пуще прежнего уставился на казака купец и все думает загадку ту умом своим разгадать, сидит старается. Много ль, мало ль так сидел, да как вскочит со скамьи чему-то, что на ум, знать, пришло, возрадовалось, и Гудиму с радости по плечу хлопает.

— „И как наперед того мне не в догадку было то, точно ум разум затмило, все я тебе Михайла Гаврилыч теперь разясняю: безпременно боярин с нечистой силой знается, готов крестом поклясться в том, не поверил бы я тому, да прошибся.“

И зачем было б боярину заклятие накладывать — „в огне не гореть“, ежели он был железный, не зачем было заклинать и в воде не тонуть“, ежели б он был деревянный; и без того не потоп. Да все дело в том, Михайла Гаврилыч, хоть и подменил я аршин, да только наперед того все было — как держал боярин оба аршина, с прилавка взявши, тогда заклятие и наложил, и наложил боярин заклятие: аршинам, оборотнями быть, знать то железным, то деревянным, по надобности. Без того нечего было боярину и заклятие класть — „в огне не гореть и в воде не тонуть“. Безпременно, Михайла Гаврилыч, поверь уж ты мне, так было. А боярин то каков, окаянный? Только про аршин выходит нельзя народу сказывать — другой то, ведь у меня; хоть и сбудешь его теперь, а его безпременно надо от себя сбить, все равно люди будут думать, что я им в лавке орудую. Нельзя о том, Михайла Гаврилыч, говорить“.

А в то время и жена купца, Степанида Яковлевна, возвратилась. На морозе раскраснелась, раздумялась, ровно маков цвет, грудь колыхается, волной подымается. Жена то у купца была молодая, а сам он престарелый, в другой раз был женатый, всего с год с полтора, на молодость да красоту позарился. А Михайла Гаврилыч, хоть бы что, ни в одном глазу, хоть и дивился купец, сколько он всякого выпил. Да ему это что, так самая малость, так ли он мог выпить при другом случае. Знал, когда можно, когда нет, выпить лишнего.

— „Так ты, Селевентий Пафнутьич, стерегись как бы с тем аршином беда великой не нажить, с лавкой твоей чего б не случилось. И как ты обминулился, от аршина проклятого досель не избавился. Неужто ты и на ночь аршин в лавке оставляешь, да как же это ты, Селевентий Пафнутьич?“

Заметался бедный купец: все прахом может пойти, лавка ведь и сгореть может, мало ли какое еще заклятие боярин сатана, ирод окаянный, мог наложить. С женой своей купец словом перекинулся, с казаком перемолвился, да и говорит:

— „Посиди, пожалуйста, Михайла Гаврилыч, у меня, с женой моею будь, а я враз смогаюсь — безпременно в лавку надо сбежать, не упомню запер ли я лавку на замок, аль нет, ключ вынул, а душку замка не попробовал; скоро возвратюсь. А ты Стеша, с Михайлом Гаврилычем посиди, попотчуй его“, — и купец, положив ключи в карман, схватив шапку и полушубок, и вон из дому.

Привелось теперь хозяйшке-молодашке гостя чествовать, с донским казаком речь-беседу вести. А беседа да и чествование иные, свои у них были. Далеко от дома была лавка купецкая, не мало, а много время прошло покель из нее возвратился, да время то у гостя, у хозяйшки прошло ровно одна минуточка.

И вышло, знать, так, как бегал купец за аршином в лавку свою, казак Михайла Гаврилыч и побыл с купецкой женой Степанидой Яковлевной.

Попотчевались уже втроем малость после того, между выпили, закусили все печатным пряником, а хозяйшка-молодаюшка особый пряник гостю подсунула, а на нем сердце было пропечатано. После того собрался было казак домой на стан идти, да уговорили его хозяева заночевать у них: время позднее, путь дальний, сохрани Бог, беда какой бы с ним не случилось.

Постелила хозяйшка постелю гостю в малой горенке да и уложила спать Михайлу Гаврилыча.

Вставши рано поутру, кум Михайлы Гаврилыча, Степан Коракар, узнав-проведавши, что кум его на стане не ночевал, подумал: „без мене, один идол загуляв, ну це вже безпременно десь з бабою буз; і коли я його вже одружу того бугая“... — и что ведь про своего брата подумал, это про Михайлу Гаврилыча.

На исходе уж зима была. Собралась Зимовая Станица, дела свои справивши, в путь-дороженьку к себе домой, в родимый край, на Тихий Дон-Батюшку.

А дела справили удачно: пороховой казной издобылись в Москве, как ни минувшие годы, ни после того издобыться и не удавалось.

Истари так повелось: отбывала станица из Москвы Белокаменной последним путем санным так норовила, чтоб в Воронеже долго не засиживаться: лучше для станичников на Москве переждать было. А из Воронежа плыла станица с царским жалованьем на стругах, вниз по реке Воронежу, а за тем и по самому Дону-Батюшке до самого „славного войска“ — городка Черкасского.

Собралась Зимовая Станица и уехала, а в ней и донской казак Гудима, Михайла Гаврилыч.

Не раз бывал он у купца у Трифонова, не раз еще хозяин с хозяйшкой его чествовали. Побывали они в канун отъезда, ходил проститься с людьми добрыми да приветливыми. Да как им было не быть такими: торговля у купца во всю идет и все ширится, из долгов боярских он уже выпростался; другую лавку побольше уже приглядел. Давно товар то свой пораспродал, у самого старшего забирал теперь уже за наличные. А при прощании хозяйшка и говорит хозяину: „Почествуй ты, Се-

левентий Пафнутьич, благодетеля нашего, Михайла Гаврилыча товаром, чтоб торговля наша еще пуще прежнего шла, холостой то Михайла Гаврилыч, пушай поведет гостинцы своим сродственникам“.

И поднесли купец с женой своей законною казаку Гудиме два поставца целых не тронутых: сукна аглицкого, да атласу цвета алого.

Уехал Гудима-казак из Москвы Белокаменной, а след то его, ровно по снегу след заячий запутанный и остался. Загадал загадки Михайла Гаврилыч, разгадать их никому, и самому Селевентию Пафнутьичу не в мочь.

А горше всех от них пришлось боярину сколь не тужился, разгадать и не мог; а еще разные вести недобрые про него, по всей Москве, да около круги от камня в воду брошенного, во все стороны разнеслись.

Дошла про потеху весть и до самого царя Михайла Феодоровича, сильно на бояр своих он гневался, что во время они ему то не поведали, а после того лишь, как станица из Москвы уехала. Не довелось, знать, ему, царю Московскому, на казака того поглядеть и самому по своему умыслу, силу его испытать, испробовать.

А на боярина царь совсем осерчал, опалу наложил пуще прежнего, и из бояр думных совсем выгнать велел: можно ли, хоть и в ней, таких дураков держать: да

истинно породу боярскую не токмо на Москву всю, а и перед казаками донскими как „ославил“.

И боярин Плещеев таить стал, словно свеча воску ярого: от злобы, тоски и досады, исхудал весь, изнеможил, а года не прошло — испустил свой многогрешный дух, не успев даже и покаяться.

А Михайла Гаврилыч оставался в добром здравии, знали про то Трифоновы вернее верно: всякий раз, как легкая станица на Москву с Дона Тихого с вестями посылалася, они и вестями и гостинцами обсылались.

А жена купца Степанида Яковлевна была набожная: всякий двенадцатый праздник подавала на „проскомидию“, и о здравии было внесено и имя раба Божия Михайла. А в день Архистратига Михаила Архангела Трифоновы и молебствия служили о Михайле Гаврилыче.

Не прошло и года с потехи той, а там без 3-4 месяцев и дал Господь Селевентию Пафнутьичу наследничка, стало для кого богатеть, добро наживать, родила, знать, ему сынка молодая женушка. Не остался о том и Михайла Гаврилыч без ведома.

Так вот какие бывали на Дону казаки в годы минувшие: силы то какой, хватки, да и разума, и на все удачливые.

Я. Рудик.
(Прага).

* * *

Чорніють, чорніють ще свіжі могили
В далеких — далеких безкраїх степах,
Де криці-гармати звірюкою вили,
Де любая воля кувалась в огнях.

Над ними зі жалю лиш небо заплаче
Кришталлями-слізами своєї роси;
Як сонечко зійде, — бо ворог все баче, —
Воно їх тихенько з могили утре.

Їм „вічну пам'ять“ лиш вітер співає,
Як в лютю зиму їх снігом вкриває,
Чи хмару із громом в весні роздирає, —
Бо кожний в Країні могили минає.

Так муки тяжкі ті коханного Краю,
Що всесвіт від жаху тремтить і німіє...
За кривди великої так покараю,
Що сам сатана і „безодня“ зомліє!

Як прийде хвилинка, що воля засяє,
Могили сумнієї оздоблю квітками!
Навколо лунатиме слава свята,
Що вкрита їх пам'ять із тернів вінками!

С. Савицький.
(Бразилія).

ВІВТАРЬ ПОГАС...

Алтарь горит... Душа молчит — убога!..
Борис Кундрючков. — „В. К.“ № 15.

Вівтарь погас... Душа кричить убога:
Гей, ви, за ґратами скатовані раби!
Ваш кат плює на Степового Бога!
О, хуртовини!.. помсти!.. боротьби!..
Квітчастий одяг Степового Бога
Без вас, раби, подерли на шматки.
Вівтарь погас... А в храмі у порога
Сміття роскидане, — потоптані квітки.
Неначе сон: пожежа... кров... ридання...
І на степу безкровну душу ссуть п'явки.
Чи вам відоме це Христа страждання,
Що пили й п'ють від ката здавна козаки?
А мовчимо!.. Сміються з нас Пилати.
Бо ми — за ґратами, скатовані раби.
Та прийде час і розпадутся ґрати...
О, хуртовини!.. помсти!.. боротьби!..

Д. Воротынский.

Мечта.

Дорогой сестре моей посвящаю.

Грустил академик Горинов.

Под самую Троицу, прийдя с завода, он совсем неожиданно уехал к своему станичнику, старику Терентию Митричу.

Больше двух лет не виделись они, и встреча их была радостная. В Троицын день ходили в ближайший городок молиться. Вернулись к обеду, а после обеда осматривали большие надворные постройки фермера-хозяина, скот, лошадей, птицу.

Вечером спать легли на сене. Было тихо вокруг, но обоим хотелось еще большей тишины. Пошли в поле и долго бродили среди спящего хлеба.

— Вот и поле тебе, а на машинскую ни тропешки не похоже. Выедишь, бывало, за станицу, да на гору подымешься, так степь-то и не обызришь. А тут дело не стоящее, клочок земли и боле ничаво, — сказал Терен-

тий Митрич и устремил в темную даль слезящиеся глаза. — Вон лес, а ему тут вовсе и не место. Озеро там есть большу-у-щее и уже так-то оно, скажи на милость, похоже на наш Вброт! И кужица на левом берегу, и лопухи, и цветочки беленькие, а комаря этого, да такие раззлющие, што прямо наши, болячка их забори... А рыбы эгой и самбй карась, краснопёрка и линь. На прбвесне пытался я ставить вентери, сам и силел, ан не вышло дело: подлая тварь не хочет итить на такую снасть. У нас, бывало, в половодье рыба вало валила в вентеря, а тут нитнюдь. Твари, а свои разумения у ней... А туды, за озером, ландуши. Надась приезжал к мому пану какой-то хлюс из цуцких, расфранчёный такой и они ездили с дочкой, Жерменой прозывается, на лодке за цветками...

— Жених? — лениво спросил Горинов.

— Толком-то, парень, не докажу, но похоже, што да. Жермена всем девкам девка: и приглядчивая, и ласковая, трюхи поджарая, так это у французок уж от природы... Женился бы, Матвей, на такой? — засмеялся Терентий Митрич и стал гладить большую с сединами бороду.

— Красивая... да... В станице у нас Нюрятка Заря была, у нее такие же колдующие глаза и улыбка, как весна, — ответил Горинов и сразу умолк.

— В последний раз, когда под Чапльжным мы бились с красными, они увезли ее с собой и с энтих пор так она, любушка, и сгинула. Мать горилась-горилась, а апосля и умом повредилась.

Около леса, на пригорке, сели. Лес стоял, как мертвый, пахло сосной и прянной сыростью. Горинов разостлал пальто и при лег. Терентий Митрич пристально всматривался в длинное, бледное, с большим носом лицо друга, в его впалые глаза, русые редкие волосы, и ему стало жаль прежнего полного студента Матвея. Мелькнули в памяти его родители, два дома под яром у самых садов и левад, длинный амбар с жестяной красной крышей, и на глазах, почему-то, навернулись слезы.

— Приими нас, припадающих Тебе... Просвети людей светом солнечным... Как я люблю эти молитвы на вечерне в Троицын день! Церковь убрана вязывыми ветками, будто стоишь в лесу, пол усыпан степной травой и цветочками, девки стоят с букетами... Все цветет, живет, купается в солнечных лучах... Сегодня в их церкви я видел свою нарядную, благоухающую...

Чуть слышно всхлипывал Терентий Митрич. Широко открытыми зеленоватыми глазами смотрел в горную высь Горинов, а там все было неизменно. Запел святую песню.

— Отверзу уста моя, и наполнятся духа, и слово отрыгну Царице Матери, и явлюся светло торжествуя, и воспою, радуйся, Тоя чудеса.

Слушал Терентий Митрич и тоже глазами искал в небесах чего-то.

Лес дремал и не хотел даже зашелестеть зелеными одеждами. Лишь где-то вдали всплеснулась вода, как-будто кто бросил в озеро ком земли.

— Гляди-кось, Матвей, какая вилючая Батбва дорога*). Бывало прабаба наша сказывала, што по этой по дороге в полночь праведники подходят к престолу Саваофа и поклоняются Ему...

*) Млечный путь.

— Душно жить! — громко воскликнул Горинов. — Сегодня я у тебя люблюю деревенской ночью, песнь хвалебную возношу, а завтра... завтра опять Париж и проклятый завод... Да, Терентий Митрич... А помнишь, как мы шли по Займищу в Воробиную ночь и заблудились в лесу? — вдруг переменял мысль Горинов.

— Ишо-бы забыть! Темь была тьмушая, на трех сажнях и то запутляешься...

— Вот, Терентий Митрич, как раз в эту тьму мы и попали, бродим годы и все темно... Хочется иногда даже руку на себя наложить...

На ферме закричал один петух, потом другой, но песня их была одинокая, и, возвестивши полночь, петухи умолкли.

— У нас, бывалча, раскукарекаются кочета, так час цельный не угб'отся, — сказал Терентий Митрич и глубоко вздохнул. — Давай трогаться, Матвей, стало холодно от росы, клейматы тут росисгые.

Шли по торной узкой дороге, между двумя стенами хлебов. Освещенные месяцем, они стояли неподвижные и гордые, высоко подняв от земли еще неналившиеся колосья. Еж перебежал дорогу, остановился около травы, поднял мордочку и мгновенно спрятал ее под свою броню. Большой черный жук катил навозный шарик и вместе с ним усталый бросался из одной стороны в другую.

Когда подходили к ферме, то в большом доме, сквозь закрытые жалюзи, мелькнул огонек, и раздались звуки рояля. Жермен играла „Лунную сонату“ Бетховена. Слушали у самого окна, боясь даже шепотом нарушить игру.

— Барышня на все руки хват и тебе на голос спеть и на роялях зашибеть кого хошь, — тихо сказал Терентий Митрич, когда смолкла музыка.

— Вот и хорошо, Терентий Митрич! Все черное, что окружает нас узким кольцом, давит, давит, все вяруг отлетело куда-то... Сейчас, вот сию минуту я могу пойти к Жермен, стать на колени у ее ног и без конца целовать руки, которыми...

— Как же это чужую девку ни с того, ни с сего страмотить, да родигель и мине с тобой тогда вытурит! — перебил Горинова Терентий Митрич.

— Не то... не так... Боже!..

И вдруг заплакал.

Уже горела заря, когда успокоился и задремал Горинов. Зарывшись в сено, в полусне он слушал сказки Терентия Митрича о прошлом, о станице, о речке Осочной, о ночах степных, и сладкая мечта поборола, казалось, непобедимый мрак.

Константин Поляков.

(Брно)

* * *

Где? Когда? я последнюю песню спою:
В тишине ли ночной, иль в неравном бою
Кровью алой предсмертную мысль закреплю?
Где? Когда? рок затаяет петлю?..

Но, пока я пою! Был вначале не смел,
Песни тихие, робкие пел,
А теперь, словно моря прибой
Накатился шумя и рыча...

Мои песни с щемящей, безумной тоской
Ищут правды луча.

Как рожден я — не ведал ея —

Правды жизни, — затоптанной в кровь.

Видел силу и смелость огня, —

Я рожден в эту жуткую новь...

Оттого мои песни, как стоны в бою,

Иль как звонкие грохоты стали.

О пощаде врагам я теперь не пою, —

Мы от них, ведь, ее не видали!

Мои песни, как жутко звенящий набат,

С каждым разом быстрее и сильнее

Покрывают моря, словно птицы летят

В край далекий, где степи синеют.

Где? Не там ли последнюю песню спою,

Или, пав в беспощадном бою,

Кровью алой предсмертную мысль закреплю?

Где? Когда? рок затаяет петлю?

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Павел Поляков.
(Белград).

СТЕПНОМУ НАРОДУ.

Воскресло солнце в широком поле,
купая степи в лучах своих,
и я, рожденный под знаком воли,
пропел несмелый, робкий стих.

И мчались годы... и полна силы
душа тянулась к мечте своей,
надежда крепла... хоть сердце ныло...
я, в чудо веря, искал людей.

И, вихрем страшным далеко брошен,
я понял... понял... что я — люблю...
о, не оторван, о, не подкошен, —
я Бога воли собой творю...

Порой казалось, что одинок я,
не кончить песни... я — блудный сын,
но... слышу, слышу, там, издали
мне вторит кто-то, — я не один.

Теперь я знаю — мои идеи
со мной во многих давно живут,
что их казачий Христос посеял,
что степи всходов, тоскуя, ждут.

Весна подходит... ее лучами
ковром чудесным пробьются всходы.
... И мы, сумевши быть казаками,
сумеем жить степным народом...

Ласточка, не сделавшая весны.

В январской книжке одного из парижских (французских) журналов — официальном бюллетене „Comité France - Orient, — посвященного вообще „Востоку“, (Восточной Европе и так наз. „Ближнему Востоку“, т. е. Малой Азии и Балканам, гл. образом), напечатан очень любопытный „документ“ — декларация в. к. Кирилла Владимировича, нынешнего претендента на Русский престол, сделанная им 15 октября прошлого года в Париже в заседании французско-русской секции Комитета France-Orient. Наиболее интересным и „сенсационным“ по своей неожиданности местом заявления в. к. Кирилла Владимировича является пункт, касающийся его программы по национальному вопросу, гласящий:

„По отношению к народностям, провозгласившим свою независимость и которые продолжают находиться под игом советов, как-то народностям Украины, Грузии, Азербейджана, Северного Кавказа и Армении, Е. И. В. великий князь Кирилл заявил, что он признает их независимость и будет отстаивать право этих народов на самоопределение“.

Заявление это встретило немедленно же довольно единодушный отклик обоих крыльев русской эмигрантской прессы. По словам „Возрождения“ (№ 1352) это — „бесполезная грамота“; по словам А. Керенского („Дни“, № 24) это — „бесстыдное заявление“...

Вскоре („Возрождение“ № 1355) и сам в. к. Кирилл Владимирович выступил с „опровержением“ и „разъяснением“, что он неправильно понял, что „по вопросу об отношении к народностям, населяющим Россию, он сказал, что признает их право на самоопределение, в смысле внутреннего самоуправления, а отнюдь не „независимости“, т. е. отделения от России, каковое, прежде всего, явилось бы невыгодным для самих этих народностей“.

Одно из двух. Или в. к. Кирилл Владимирович в таком простом (для ясного ответа!) во-

просе сумел говорить так неясно, что действительно ввел в заблуждение относительно истинных своих намерений довольно многочисленное собрание, состоявшее из людей очень хорошо разбирающихся в подобных вопросах; или, сделав определенное заявление сам испугался того, что наговорил, „раскаялся“ и довольно таки неумело поправляется. К истине ближе, конечно, второе предположение. И в том и в другом случае остаются некоторые моменты, стоящие того, чтобы на них остановиться.

Очень характерно, что до сих пор не знавший „никакого национального вопроса“ на территории б. Р. И. монархический сектор русской общественности вынужден был заговорить, наконец, на эту тему устами самого претендента на трон, но... сейчас же и обнаружилось, что заговорил он сразу же неискренно. Для нас — это лишнее доказательство того положения, давно проповедуемого „В. К.“, что ни на кого не надейся Казачество, кроме как на самого себя.

Мы уже несколько раз подчеркивали сущность отношений русской общественной и политической мысли к основному вопросу настоящей исторической эпохи — к вопросу национальному, к вопросу самоопределения народов б. Р. И., к их стремлению к освобождению и независимости.

Как известно, в дореволюционное время только левый сектор русских политических партий и группировок (гл. образ. социалистических и отчасти либеральных) уделял некоторое внимание национальному вопросу и (на бумаге!) разрешал его, в лучшем случае, в смысле автономии или, в крайнем случае, шел на федерацию „постольку — поскольку“, во всем согласную с интересами „общегосударственными“. Это „принципиальное“ признание принципа автономии или федерации сейчас же суживалось тем, что значительно ограничивался круг возможных претендентов на использование этого права. Да-

леко не все народы, еще во времена Империи добывавшиеся национальной автономии, могли рассчитывать на поддержку русских партий даже тех, какие „принципиально“ автономии или федерацию признавали. Фактически, до войны, в этих кругах только два народа как будто не встречали „теоретических препятствий“ к осуществлению своей национальной автономии, это — поляки и финляндцы. Остальные принадлежали к „вопросам спорным“. Но что касается Казачества, то тут (с „той стороны“) вопрос для всех был бесспорный: никто, никакая партия или группировка, не то что признавать за Казачьими Землями какое либо право на автономию или федерацию не хотела, но и ставить перед собою подобные вопросы избегала.

В революционные и последовавшие вскоре дни войны с большевиками мы видели и испытывали на собственной шкуре практику различных (почти всех) крыльев русской политической мысли в национальном вопросе и их настоящее отношение к Казачеству.

В первые дни революции Казачество испытало на себе теорию либеральной и революционной демократии; потом очень хорошо узнало по собственному опыту практику Деникина — Врангеля и до сих пор еще испытывает теорию и практику решения проблемы освобождения народов русским революционным пролетариатом.

Что касается правых политических группировок (монархических), то для них, в дореволюционное время, никакого национального вопроса в Р. И. не существовало. Теория и практика их, не в пример левым течениям, совпадала.

Положение вещей не изменилось и теперь, когда настали: для одних из нас — дни эмиграции здесь, для других — рабство там. Даже больше: национальный вопрос, вопрос освобождения и самоопределения народов — единственный вопрос, по которому существует „единый фронт“, не только среди русской эмиграции, но и общий фронт этой эмиграции с большевиками. И, к сожалению, нет надежды, что фронт этот серьезно будет нарушен. Больше того: по мере роста у различных народов национального самосознания, — с другой стороны растет ему сила противодействия, не ослабевает стремление сохранить свое главенствующее положение.

И только иногда этот единственный деление, когда окрепнет.

единый фронт российский прорезывается некоторым диссонансом какой либо „белой вороны“. Таким же „диссонансом“ прозвучало и последнее заявление в. к. Кирилла Владимировича, так поспешно взятое им обратно. Ласточка, — не сделавшая весны.

Но, все же „знамение времени“: заговорил ведь не только представитель монархических течений, а сам кандидат в монархи, один из Романовых. За одно, во всяком случае, можем быть ему благодарны: лишний раз казаки убедились, что с той стороны, говорит-ли Романов или Ленин, Деникин или Керенский, — одинаково: когда им трудно, — обещают; когда поправят дела — забывают.

Как раньше левые, признавая принцип автономии или федерации, ограничивали до минимума тех, кто имел на нее (автономию или федерацию) право и, во всяком случае, никто из них не признавал такого права за Казачеством, так теперь правый, в. к. Кирилл Владимирович, говоря о признании им права на самостоятельность за Украиной, Грузией, Азербайджаном, Сев. Кавказом и Арменией (повторяем, заявление это по существу взято уже назад), ни словом не промолвился о Казачестве (трудно бы было приписать Казачество к Северному Кавказу. Очевидно, в этом последнем случае имелась в виду Северо-Кавказская горская республика). Пусть этого казаки никогда не забывают и делают соответствующие выводы.

А выводы эти всем настоящим казакам подскажут, что до тех пор, пока сами казаки не заставят всех уважать свое право и свои желания, до тех пор о них будут молчать, с ними не будут считаться, ими будут распоряжаться. А чтобы этого не было, чтобы Казачество стало, наконец, само себе господином, надо, чтобы казаки сами прежде всего хорошо знали, чего они хотят и около этих своих желаний, около своей программы объединились бы.

Меньше всего нужно надеяться на обещания. Вспомним недавнюю практику взаимоотношений Казачества с Добрармией: что обещали, когда были слабы и что практиковали, когда стали сильнее. Москва всегда дает много на словах, когда ищет помощи, и берет на

О. Долинский.

Евразийство.

Мировая война и, еще больше, революция застали Россию врасплох. И это несмотря на то, что царизм усиленно готовился (после 1910 г.) к неизбежному международному конфликту, а левая русская демократия считалась с революцией, как с неизбежным методом ликвидации царского самодержавия...

Война и революция поэтому были естественно, сопутствованы разгромом России не только на политическо-государственном фронте, но одновременно являлись синонимом краха всех довоенных русских идеологий.

Вот почему массовая русская эмиграция, особенно же интеллигентского типа, очутившись в силу большевицкого переворота за рубежом, идейно оказалась совсем выдохшейся, а политически — без руля и без ветрил... В ее разноликих программах не было ничего положительного. Ее будущее было покрыто космической туманностью полнейшей дезориентации... Она жила только ненавистью и отрицанием большевизма, чего, конечно, очень мало для того, что-бы гарантировать себе какое-либо политическое завтра...

Исключением в этом отношении — сначала доволь-

но интересным — был опыт своеобразной евразийской идеологии и движения...

Евразийство исторически оправдывалось довольно традиционной в известных кругах русской общественности — нелюбовью к Европе и к западной культуре вообще. Оно являлось попыткой создания собственного миросозерцания с определенным уклоном по направлению к Азии и с не менее определенным отклонением от Европы. В центре евразийского миросозерцания Россия мыслилась не только, как особый и самобытный культурный свет, но и как „особый географический мир“.

К сожалению, с самого уже начала западная граница „евразийского континента“ авторами его слишком далеко продвигалась в направлении восточной периферии Европы — за счет Украины, национально и идейно принадлежности к Евразии весьма сомнительна. Западная граница Евразии — „по Неман, Зап. Буг, Сан и устье Дуная“ — это политически гиппербола, культурно — анахронизм, а национально — парадокс в наше время господства лозунга — национального самоопределения...

Главная сила евразийского учения, понятно, была не в политике, — хотя евразийское умиление и реабилитация государственного гения и административного искусства Чингиз-Хана во всяком случае достойны всякого внимания, — но в культуре, собственно говоря, в попытке создать свое подлинное миросозерцание.

Что в центре его положен был евразийскими идеологами религиозный момент, это не может никого удивлять, если принять во внимание в конце концов русский праисточник этого движения. Более интересным было, несомненно, отрицательно-примирительное отношение евразийства к большевицкой революции, как неизбежной и переходной фазы исторического развития России. Этим событием по их мнению, чуть ли не началась новая эпоха в истории человечества вообще. Историческая миссия большевизма в России — это играть (хотя бессознательную) роль предтечи евразийства, ибо будущее принадлежит Евразии. Евразийцы глубоко убеждены в том, что их миросозерцанию придется играть руководящую роль среди человеческих культур вообще.

Это, мол, не их субъективное какое-то *pium desiderium*, но закон культурного развития человечества вообще.

Евразийцы, применительно к себе, создали, или, вернее говоря, приспосobili климатическую теорию миграций культур, в силу какой прогресс их постепенно (в определенных временных интервалах) продвигался с определенным темпом и ритмом в направлении с востока — юга на запад — север. Сейчас центр культурных чаяний человечества лежит вокруг Москвы и на северо-восток от нее, поскольку дело касается Европы.

Мы уже говорили, что отношение евразийства к большевизму критически благоприятно. Будучи в эмиграции, они не считают себя эмигрантами. Антибольшевизм эмиграции, по их мнению, историческая и роковая ошибка. В программной передовице: „Евразийство и эмиграция“ — („Евразия“ — 1928. № 6) — говорится по этому поводу.

— „Основной темой (разбивка тут подлинника. О. Д.) „Евразия“ является после-революционная Россия, основной целью — построение русского после-революционного сознания. Диктатура догмы в Советском Союзе делает невозможным гласное выявление того, что определит завтрашнюю Россию, а этим самым и смысл величайшего из бывших исторических кризисов.“

Таким образом наше „эмигрантское“ положение не только не означает отвержение революции, а наоборот — утверждается в верности Новой России (Разбивка наша. О. Д.)

В другом номере своего идеологического еженедельника („Евразия“ — № 3) в передовице — „По ту сторону коммунизма“, — евразийцы уточняют свой взгляд на политическую веру большевизма, определенно заявляя, что „... коммунизм является симптомом, а не самостоятельной новой реальностью“.

В одном (что касается оценки русской эмиграции, т. е., полной политической ее дезориентации, о чем речь была впереди) трудно не согласиться с евразийцами. Действительно, не только русская эмигрантская печать, но вся русская эмиграция вообще „в целом идет путем от несуществующего к... бывшему“.

В этом отношении положение „инородческой“ эмиграции Востока Европы несравненно лучше. Она отрицает большевизм во имя своего национального будущего, во имя своей культурной самобытности и политической независимости, которым суждено осуществиться после большевицкого красного *intermezzo*...

Естественно, что евразийцы согласны принять кое-что из большевицких достижений в области их административно-государственного созидательства. Напр.: они готовы принять федеративную форму внутренней политической конструкции Евразии и, стало быть, окончательно порвать с исконным централизмом, как с системой бессмысленного обрусения. Для них приемлема большевицкая административная районизация, т. к., по их мнению, она великолепно может парализовать „черезчурный“ национализм, Симпатична им советская представительская система, которую они считают подлинной формой демократии, в противовес „парламентской олигархии Европы“, переживающей „патологический кризис своего упадочного периода...“

Идеалом евразийского учения является создание симфонического, по их выражению, т. е., фактически гармонического мировоззрения, в коем бы все элементы человеческого творчества находились в естественном, т. е., взаимно-дополняющемся сочетании...

Евразийство пытается создать и свою подлинную экономическую идеологию. До сих пор русская общественная мысль никогда таковой не имела. Понятно, евразийцы решительно против европейского капитализма и естественного его негатива — на другом полюсе социальной пирамиды, — социализма, конкретно, в наиболее яркой и типической его форме — марксизма (срав. передовицу: — „К преодолению марксизма“, „Евразия“, № 4).

— „Самосознание России — Евразии, говорится в конце вышесцитированной передовицы, возникающее в атмосфере об'емлющей и небывалой социальной организованности, под острым воздействием социальной темы марксизма найдет и свою новую социальную этику и систему социального дела“ (Разбивка подлинника. О. Д.)

В евразийском миросозерцании социальному моменту отводится надлежащее место, соответственно его историческому значению. „Евразийство и мыслится нами“, читаем мы в цитированной уже тут передовице, „по ту сторону коммунизма“, как осуществление культуры, основным признаком которой и будет социальная организация, неразрывно соединяющая в себе начало социальной с оформляющей его системой идей и исторической цели“.

В своем „опыте систематического изучения“ программы евразийства (в 1927 г.) — социальный постулат этого учения формулируется как „идея справедливой социально-политической жизни“ — для саморазвития и в то-же время, как и „саморазвитие ради саморазвития других“.

Бывших „инородцев“ русской „тюрьмы народов“, не сложивших все еще оружия в борьбе за свою свободу — всякая русская идеология будет интересовать с точки зрения ее подхода к национальному вопросу. В этом отношении евразийство явно эволюционирует и последнее слово его об этом еще не сказано. Понятно, трудно ждать от него симпатий к политическому „самостийничеству“ и государственному самоопределению „окраин“ русской империи.

Евразийство принимает, как мы видели программу политической федерации и автономии. В московской его программе — (1928) — Казачество и казацки области упоминаются в отделе, посвященном национальному вопросу.

В статье: — „идеализм и реализм в Евразийстве“ („Евразия“ № 16) — заявляется даже, что „евразийство сверхнационально, как синтез интернационального

с национальным". Увы, это далеко не так. Фактически — и в новейшей, именно, фазе своего развития — это движение уже без евразийской маски показывает свое русское „национальное лицо“.

Приходится опасаться, что в меру реального его прогресса моменты евразийской идеологии будут все больше и больше капитулировать перед новорусскими и чайными политическими возможностями, а, главным образом, аппетитами.

Евразийство — было цельным и интересным началом в момент своего рождения. „Исход к Востоку“ (1923) — это, безусловно наиболее удачный литературный его дебют. Нельзя отрицать, что и потом евразийская публицистика дала не мало интересного и своеобразного печатного материала. Неудивительно поэтому, что оно вызвало живое внимание не только среди русской эмиграции, но имело приверженцев и по ту сторону советского рубежа, особенно в литературе, что, естественно, г. к. большевизм сам очень живо интересовался Азией...

Кажется, однако, что идейно евразийство перевалило уже через свой зенит. С парижским еженедельни-

ком „Евразия“, появившимся в конце прошлого года началась новая фаза в истории этого молодого движения: отнюдь не героическая, а скорее — довольно прозаическая, с отменно демонстративным уклоном в сторону теперешней Москвы, что вызвало раскол среди его вожаков и заставило некоторых публично заявить о своем выходе из него... В этой новой фазе (какого то позднего сменовеховства, впрочем с критическими оговорками) евразийство многое теряет из своей первобытной подлинности.

Ех-инородцы Востока Европы — едва ли найдут в нем своего политического союзника, поскольку добровольно не изъявят желания сесть в федералистическую клетку после-большевицкой „Новой России“, по направлению к какой явно держит курс теперешняя Евразия. Повидимому, ех-окраинам Восточной Европы будет совсем не по пути с новорусской Евразией, несмотря на то, что многие из них этнографически причастны к этому миру, но культурно и политически, т. е., одним словом, национально предпочитают все-таки ориентироваться на сумеречные Запад и Европу, так категорически отвергаемые глашатаями евразийского учения и мировоззрения...

Инж. В. Бейсуг.

К проблеме нашего экономического возрождения.

I.

Волны последней войны и установившийся в дальнейшем большевицкий режим смел с большей или меньшей основательностью все сложное здание экономического бытия Казачьих Земель. „Плановое хозяйство“ в течение уже многих лет нагромождает груды строительного материала, но, за редким исключением, этот материал остается лишь материалом. Разрушенная постройка народного хозяйства не построена и до сих пор. Люди же, которые взялись ее строить, служат гарантией, что не может быть она построена под их руководством и в будущем. Все это заставляет нас понимать проблему нашего экономического возрождения так, как будто в один прекрасный день все нужно будет начинать сначала.

Это не преувеличение. Никому не придет, конечно, в голову принципиально уничтожать все содеянное большевиками в области экономического строительства в Казачьих Землях, однако разбирать эти постройки и переустраивать их так, чтобы здания не падали, придется. Придется перелдывать и строить, но строить на иных началах. Полную негодность начал большевицких указала жизнь. В то же время логика указывает, что 12 лет, прошедших со дня революции, не допускают простого продолжения экономического пути дореволюционного. Нужна органически-эволюционная связь с прошлым, но нужно и что то новое, чтоб не отстать от времени. Но что? Мы не беремся отвечать на этот бесконечно сложный вопрос и хотим лишь установить общие принципы подхода к вопросу будущего экономического строительства Казачьих Земель. Пробуждение в наши дни Казачества делает это своевременным, а обмен мыслей в этой области с целью выработки тех или иных воззрений может быть полезен. В ряде очерков под стоящим выше названием мы и хотим наметить некоторые идеи того сочетания нового со старым, каковое считаем единственно надежным залогом нашего грядущего возрождения.

Начнем с определения того места, какое по нашему мнению должно занимать возрождение экономическое в процессе всестороннего возрождения Казачества, иначе говоря, определим значение экономического возрождения и оценим его роль сравнительно с другими вопросами.

Категория ценности имеет применение не только в хозяйственной жизни. По Вунду момент ценности образует важнейший отличительный признак всего духовного от физического; духовный мир — это мир ценностей самых различных степеней и качественных особенно-

стей. Виндельбанд видел в философии критическую науку об общеобязательных ценностях. Поскольку основным определяющим моментом психической жизни есть воля, категория ценности есть одна из форм категории воли: к ценному мы стремимся, а стремление есть проявление воли. Стремиться к чему-либо можно, однако, или как к конечной цели — это ценности абсолютные (по Виндельбанду „основные“), или как к средству для достижения других ценностей — ценности относительные („производные“). Иногда границы между этими двумя понятиями провести бывает трудно: ведь и такая абсолютная ценность, как религия, может быть орудием для карьеры. Это не мешает понятие всех ценностей экономических отнести целиком в область ценностей относительных.

Т. обр., экономическое, материальное благосостояние народа не является само по себе конечной целью с абсолютной ценностью. Оно лишь средство и условие развития духовной культуры народа, как ценности уже абсолютной. Установить границы материального благосостояния являющиеся для известной высоты духовной культуры условием *sine qua non*, конечно, нельзя. Несомненно, что эти два вида культуры тесно связаны между собой и развиваются рядом, несмотря на принципиальную и фактическую возможность отклонения. В историко-политическом аспекте история Франции, Англии, Германии является примером довольно гармонического развития одновременно культуры и материальной и духовной. С. Штаты и народы славянские — пример иного рода. С. Штаты — страна уже достигшая вершин материального благосостояния, но лишь начинающая, правда в чисто американском темпе, но все же лишь начинающая вписывать в книгу мировой духовной культуры и свою страницу. Славянские народы, наоборот, уже давно таят в себе и дарят человечеству величайшие духовные ценности (литература! музыка! и т. д.), но лишь начинают свое развитие в области культуры материальной. Чехословакия, или, вернее, собственно Чехия, представляет уклон в сторону более гармонического развития.

Т. к. культура духовная — ценность абсолютная, а культура материальная — ценность относительная, то первая выше второй. Материалистический уклон в мышлении современного человечества в теории не меняет такой иерархии, но на практике как то оттесняет на задний план культуру духовную. Повседневная жизнь слишком выдвигает вперед интересы культуры материальной, экономической. Жизнь народов Российской Империи, несмотря на то, что многие из них не имели

ничего общего со славянством, все же шла по пути, характерному для славянских народов: отставание культуры материальной. Повидимому, по этому пути всегда были склонны идти и народы Азии. В глазах зап. европейца все это бесплодный „идеализм“.

Мы, казаки в изгнании, тоже часто выслушиваем упреки в этом идеализме от всех тех, кто с таким восторгом любят казачью джигитовку, слушает казачьи хоры, аплодирует нашим танцам. Выслушиваем п... гордимся! Правильно ли это? Принципиально — да, но не за счет потери стыда за то, за что действительно иногда следует стыдиться. И отбрасывая других, к кому тоже относятся эти упреки, нам, казакам, действительно надо опасаться нашего отсутствия чувства меры: мы по своей природе иногда бываем слишком склонны отрываться от земли и считать ее брентной для себя. Наши привольные станицы, да песни об удали казачьей велики и красивы, но... электрическое освящение не лишит привольности станицу, а применение бухгалтерии в хозяйстве не испортит голоса станичнику. Нужно раз навсегда усвоить, что экономическое развитие так же необходимо для Казачьих Земель, как и для любого уголка Европы. Духовная культура казаков от этого лишь выиграет. Психология „военного сословия“ должна кануть в вечность. Пробуждение Казачества и рост его самосознания до тех пор будут односторонни, пока не будут подкреплены соответствующим увеличением удельного веса его и экономической силы. Для поднятия общего культурного уровня населения казачеству нужны школы, а для школ — деньги. Рассчитывать на посторонних добродетелей не приходится. Взаимопомощь — великое начало, но в наших условиях на первое место нужно ставить самопомощь. Казачеству пора отбросить мысли о всяких опеках, нужно самим опекать себя. Средства и деньги нужно уметь находить у самих себя; свою экономическую жизнь нужно поставить на собственные

ноги. История учит, что ни одна нация, ни один народ, ни одно племя никогда не были свободны, если только не обладали известным родом и экономической силой. И наоборот, часто цепи лопаются, как яичная скорлупа, как только спутанное ими тело начинает расти и развиваться и экономически. Теперешнее возрождение Индии началось одновременно с развитием туземной индустрии. Япония распрощалась с опекой Европы после того, как переняла у нее ее и материальную культуру. Чешское возрождение, несмотря на весь антузиазм и закаленный вековой национализм народа, было бы немислимо, если бы чехи не были одновременно народом с высоким и экономическим благосостоянием и т. д.

Деньги и их ценность по существу ужасная фикция, но... без этой фикции жить нельзя. А делать деньги можно только сильной экономической машиной, хозяйственным аппаратом. Его нужно создать. Всякое решение казачьего вопроса будет заведомо неправильным, коль скоро оно не даст путей его и экономическому развитию. Экономическое возрождение, как ценность относительная, по своему внутреннему содержанию стоит ниже достижения благ духовных, однако в процессе общего возрождения это совершенно неотъемлемая его часть, часть без которой и целое не будет целым. В порядке последовательной важности задач можно говорить даже о ее особом положении в ряду первостепенных задач, стоящих перед Казачеством: под гнетом коммунизма душа Казачества все же выдержала и Казачество осталось верным своим духовным идеалам и заветам, его же экономическая жизнь не только согнулась, но и лопнула. Вот почему экономическая сторона особенно настойчиво требует лечения. Это и определяет место возрождения экономического в процессе возрождения общего — ответ на первый поставленный нами себе вопрос.

(Продолжение следует).

Я. Лопух.

Кубанская старина и новина.

Заговенье на Великий пост, или, как говорят у нас на Черномории „прощальна неділя“.

Небольшая деревянная церковь станицы Старомышастовской полна народу. В толпе мальчишек и девочек я стою впереди всех прямо против царских врат. Из алтаря выходит старый священник со свитком в руке; подходит к аналою и, осеняя себя крестным знаменем, твердо и ясно произносит:

„Во імя Отця, і Сина, і Святого Духа“.

Пауза. Все приближаются к амвону. Тишина. Священник разворачивает свиток и поднимает его правой рукой.

— Бачете, шо це таке?

На лубочной картине изображен громадный зеленого цвета змий; сверху картины Иисус Христос на белом коне, окруженный ангелами, трубящими в трубы; а внизу — ад с ярким пламенем, среди которого корчатся грешники и туда же черти тянут еще толпу грешников, окруженных цепью; при чем, впереди идут цари, архиереи, купцы, а сзади — мужики в лаптях, которых черти подгоняют дубинами (к моему детскому удивлению и радости там не было ни одного казака).

Картина была окружена, как бы виньеткой, маленькими картинками, на которых были изображены грешники: стоящие по пояс в котлах с кипящей жидкостью; лижущие раскаленные сковороды; были подвешенные на крючьях и т. д.; словом так, как описывает адские мученья Котлярёвский в своей „Енеїді“.

— Це Страшний Суд, — продолжает батюшка. — По преданью, Страшний Суд почнеться зараз після прощальної неділі. А коли? — про це тільки один Бог знає. — Так от Свята Церква і установила, щоб ми готовились до цього страшного дня постом і моливаю. Прощали б один другому образи, говіли, сповідались і причащались. — Ось, бачете, — грешники гарячу сковороду лижуть язиками?! — Це так буде брехунам.

— Одарко! Обращается вдруг священник к стоявшей в стороне молодой казачке: — Ти набрехала на Пріську, шо вона в тебе гусей покрала і позивала її! А гуси потім знайшлись у Рашипя в ставку? Піди зараз ударь 20 поклонів. И Одарка беспрекословно шла к иконе отбивать поклоны.

— А це бачете, — повишані на гаках? Це ті, шо дівчат обдурюють. Великий це гріх!

— Василь! Обращается опять священник к молодому казаку: — Щоб ти мені після Великодня сватав Гапку. Бо я більш ні з ким тебе вінчати не буду. Я все знаю! Иди, ударь 10 поклонів.

И т. д.

И всем было понятно и ясно; и Одарка остерегалась уже „брехать“, и Василь на Красную Горку стоял под венцом с Гапкой, у которой, хотя была слинком полна талия, но за то сияющее счастьем лицо.

Давно это было. Было это больше, чем 50 лет тому назад. Старик священник — казак той же станицы Старомышастовской Дудык; это был последний из выборных священников. В молодости, как мне потом говорили, он, в числе других, пас табун генерала Котлярёвского. И вот, лежа в степи на бурке, при помощи какого то грамотея, он, почти самоучкой, выучился читать и писать. Учился он по старинной еще азбуке: буки аз — ба; слово, он, люди, ерь — соль; да по псалтири. В тридцать лет он уже читал и пел на клиросе и писал грамотки. По избрании его станицей (Черномория была тогда причислена к Екатеринославской епархии) продолжать свое богословское образование, где через полгода и был рукоположен в сан иерея. В своей станице он священствовал до конца своей многолетней жизни. Это был глубокого ума человек.

Знал он в своем приходе всех и каждого. Знали и его все, и со всяким горем обращались к нему — своему избранному пастырю. Он и советы давал, он и судил, он и мирил, он и наказывал. Он понимал и знал паству свою и народ понимал и уважал его. Слово его — было законом, и не было в станице никаких сектантов.

Прошло лет 20. Черкесы были окончательно усмирены. Окончилась война 1877 г. и край начал быстро богатеть. И потянулись из России священнослужители с семинарскими аттестатами на богатые приходы, с фамилиями на „ов“.

Один из таких студентов семинарии, о. Александр Молчанов, был назначен в ст. Челбасскую. В этот же самый день, т. е. в „прошальну неділю“ выходит он говорить проповедь о Страшном Суде. Говорит по всем правилам гомилетики; говорит долго и с чувством.

Наконец, видя, что слушатели заинтересовались, но устали, он заканчивает проповедь следующими словами: ... „Итак, православные, я на этом заканчиваю. Кто желает услышать еще подробнее, приходите к вечерне, я нарисую более яркую картину Страшного Суда Божия. Аминь“.

Зазвонили к вечерне. Народ, к удивлению пастыря, валом валит в церковь. После вечерни вышел на амвон о. Александр и вновь начал говорить на ту же тему. Говорил о мученьях душ в загробной жизни пробудившейся совестью, приводил много цитат из священного писания; словом, изложил все, чему его учили в семинарии и что он почерпнул сам из духовной литературы. Окончил. Снял облачение и собрался уходить из церкви, а народ стоит.

— Что же вы стоите, православные? Я уже окончил.

— А виж, батюшка, казали, що будете рисувать картину Страшного Суда!

Как видите, народ не понимал пастыря, а пастырь не понимал народа. Служители церкви постепенно обращались в чиновников. И пошли на Кубани плодиться разные секты: хлысты, субботники, новопальцы и т. д.

Прошло еще лет 20. В 1907 году с полиции была снята обязанность вести борьбу с сектантами, и Ду-

ховному Ведомству пришлось назначить в станицу Уманскую уездного миссионера — молодого священника с академическим значком. Вот и начал этот миссионер вести борьбу с сектанством посредством проповедей, строго построенных, на правилах гомилетики и других богословских наук. Между прочим, этот высокоученый проповедник был неравнодушен к Л. Н. Толстому, Достоевскому и другим писателям, затрагивавшим религиозные вопросы. В каждой проповеди непременно пристегнет кого либо из авторов, а уж Л. Н. Толстого — обязательно.

Я в это время был участковым начальником. В страдную пору, чтобы не отрывать людей от работы, я старался, по мере возможности, всякие дознытия производить по воскресным и праздничным дням.

Лето. Я в субботу прибыл в станицу Крыловскую. С вечера попросил хозяйку общественной квартиры (богомольную вдову старушку) приготовить мне завтрак и чай пораньше, чтобы, по окончании литургии, быть уже в станичном правлении и работать без перерыва до 10—11 часов вечера.

Сижу в столовой. Дверь в кухню приоткрыта. Входит какая то старушка.

— Здрастуйте, Юхимовна! Та з неділю будьте здорові!

— Здрастуйте, Сидоровна. Чмок, чмок, чмок. Целуются.

— Це ви з церкви, Сидоровна?

— Атож. А ви, Юхимовна, чога це не були?

— Участковий приїхав: ніяк нізя було. А хто слухив: о. Ликсандра, чи отець Миколай?

— Де там, Юхимовна! Из Уманської мисинер приїхав, так він служив. Та було б тобі гарно! Голос такий тоненький, та приятний; ну, прямо як той янгол! А як начав, Юхимовна, проповідь говорити, так як по писаному; а сам і в книжку не дивиться. Та все, Юхимовна, про товстих, та про товстих. А я дивлюсь на бабу Тирсиху, недалеко біля мене стояла, тай думаю собі: буде тобі, стерво пузате, на тім світі: ач, яке черево наїла!..

Борис Кундрюцков.

Румыния и Казакия.

(Из путевых заметок).

Несколько велосипедистов в жаркий летний день прыгнули на ходу около куреня. Курень — не курень, куренем только прозывается живущими в нем казаками. А живет в нем семь донцов. В нем они ночуют и проводят воскресные дни. Это совсем отдельная хатка на краю села и казаки-эмигранты назвали его „курнем“. Живут ладно, а в это воскресенье, побаловавшись чайком, собрался уже было идти на речку купаться и постирать кой-какое бельишко, как неожиданно, негаданно, по дороге в их глушь прикатили велосипедисты. Любопытные обступили их казаки.

— Не здешние? — говорит кто-то, рассматривая флажки проеханных спортсменами стран, в то время, как Никита пошел за водой, которую на ломанном сербском языке попросил передний.

— Не здешние, видать... отозвался другой. Вдруг чей-то недовольный казачий голос воскликнул:

— А лента-то через плечо наша... Флаг-то наш.

И удивленные еще больше, ближе обступили все спортсменов.

— Гляди-ка, Семен Матвеевич, флаг-то наш. Синий, желтый и красный. Это што-ж такое?.. А?.. горячился высокий казак-брюнет, — с какой такой радости в наши цвета вырядились? — Обида звенит в хлипком голосе. — У нас этот флаг может над Атаманским дворцом висеть?.. А?..

Спортсмены тревожно оглядываются на, укоризненно галдящую и трогающую пальцами идущую через плечо ленту, братию.

— Рус? — спрашивает, догадываясь, один из них.

— Какие там рус. Рус нах Русланд осталси, там! отвечает брюнет. — Понимаешь? А вот вы чего наш флаг по белу-свету треплете? Семен Матвеевич, да поди-ж ты суды.

Из хаты-куреня вышел старый казак. Когда-то он был учителем в Таганроге, а теперь с казаками работает и вместо главного у них...

— Ты-ж смотри, — протягиваются возмущенно руки, — наш, Донской флаг.

Учитель смеется, подходит к иностранцам. Те уже напились и стоят, недоуменно взявшись за рули. Они не знают — ехать им дальше или объясниться.

— Румуньска?.. спрашивает учитель.

Закивали головами, заулыбались. — Румуньска...

Семен Матвеевич показал пальцем на казаков — Донски казаки...

Глаза с любопытством уставились в хмурые казачьи лица.

— Румуньска?.. спросил снова Семен Матвеевич и взял в руку ленту ближайшего.

Закивали головами опять, заулыбались:—Румуньска...

— Казацка, — показал пальцем на казаков...

Прояснились лица... Закивали головами, заулыбались, протянули руки. Обменялись рукопожатиями, сели в седла и были таковы. А на речке, обступив Семена Матвеевича, слушали казаки каждое его слово.

— В старые времена существовала великая и сильная Римская Империя. Очень крепкое было государст-

во и много земель всяких имело. Вот и Румыния подпала под ее власть, была ее как бы колонией. В эту колонию ссылались непослушные, провинившиеся рабы и преступники... Образовался особый народ!

Там они имели свои поселения, проводили свои безрадостные дни в изнурительной, каторжной работе и заточении. Когда-же ослабла эта самая Империя, взбунтовались переселенцы... объяснял, как помнил, старый учитель, — взбунтовались и отделились, образовав свое государство. Так и живут себе по сю-пору, а от Империи той одно воспоминание осталось...

Задумчивые слушали казаки. Черный опустил голову и резкая прямая морщина собрала между бровей кожу.

— Стало быть, — преступники и рабы?..

— Да!..

— Стало быть, люди, которых держали в тюрьмах и которые имели рабью колонию?..

— Да!..

— И существуют?..

— Существуют!..

Черный казак злобно усмехнулся. Новая мысль пришла, видно, ему в голову.

— А мы — казаки? Вольными уходили в степь. Никто нас не ссылал. Сами и казачий присуд свой организовали, еще и кровушкой казачьей землечку свою полили и... нет нас?

— Нет!..

— Удивительно!.. отозвался кто-то. — И флаг у нас одинаковый!..

Семен Матвеевич пояснил:

— У нас вдоль полосы, а у них поперек.

— Удивительно... отозвался кто-то. У них неволя была, каторга, а у нас — воля и стелушка бескрайная... Они до воли дошли и своего житья-бытия, а мы — в рабов обратились, что и имели и то потеряли и отобрано у нас...

— Оно и понятно, — Семен Матвеевич пояснил: Оно и понятно. Римская Империя слабела, а Российская все росла от моря и до моря...

— А ежели бы она слабела?..

— Выдвинулся бы может Дон!..

— А окрепнет ежели она опять?..

— Концы нашим вольностям казачьим!..

— А ежели ослабнет еще малость?..

— Может мы в союзе с Кубанью и Терекком будем своим независимым государством — Казакией!..

Молча сидели казаки, а речушка говорливо бежала у ног, увлекая за собой горькие казачьи думушки... Смотрели на ее рябь, на переливающуюся поверхность и брונет, швырнув на середину ее голыш, вспотевший в руке, сказал, вставая:

— Интересная вещь — история... Каких только примеров нет. А все-же есть какое-то сродствие между Румынией и Казакией, только с другого края... Я-б это разобрал, кабы был-бы поумней, а то, вишь, батьку моего Бог умом-разумом не наделил...

Сказал и пошел на свое любимое место раздвигаться — под скалой, там, за кустами...

Казак Бидолага.

Кавказское восстание.

(К 11-летию, 19 марта ст. ст. 1918—1919 г.)

Прошло ровно одиннадцать лет с тех пор, как впервые пролилась Казачья кровь и полились Казачьи слезы в Кавказском полковом округе на Кубани... от рук своих же „союзников“ — красных солдат, вторгнувшихся в Казачьи Земли и перевернувших там все вверх дном: и казачью жизнь, и казачий скарб, и обычаи, и вольность, и семью, и все, все, что было так мило и дорого каждому казаку, к чему он привык, что он считал так ненарушимым, что хранил целыми веками, из поколений в поколения, словом, все, то, на чем зиждилось К а з а ч е с т в о, как таковое.

На все это казаки ответили поголовным восстанием.

В Кавказском восстании на Кубани главную роль сыграл 1-й Кавказский полк, вернувшийся перед самым Рождеством из Финляндии. На нем я немного и остановлюсь.

Революция застала его на Кавказском фронте, в районе крепости Карс, на отдыхе. За 6 месяцев такого, полк, истощенный в конском составе, обтрепанный и надорванный тяжелыми условиями фронта и ту-репкой природы, стал неузнаваем.

Вылощенные лошади, новые седла, у казаков — сплошь новое обмундирование... В сто шашек учебная команда из всех урядников, произведенных за боевые отличия — усердия, стройная, удалая, певучая... В строю-ли, иль на улице, на работе-ли — общая непринужденная подтянутость казаков, щеголеватость...

Не часто, но основательно, полк встряхивается конными полковыми ученьями, заливаясь песнями, на взмыленных и разгоряченных лошадях, с повышенным настроением — сотни, словно рисуясь своею „сбитостью“ и смакуя всю красоту конного строя — медленно и важно раз'едутся по квартирам продолжать заслуженный отдых...

Трубаческая команда, всегда нарядная и молодецкая, — ежедневно удваивает игрою слух казаков и жителей — наших добрых молочан...

Офицеры живут дружно, патриархально — и между собою и с казаками.

Все они стильно, „по кавказски“, одеты. О френчах

и помину нет... Молодежь щеголяет лошадью, „отчетливостью“ „азиатизмом“... На службе друг перед другом в знании службы, а вне ее — гарцевание в седле, песни в сотнях. По праздникам, наездом в Карс на вечера, пленяет дам мазуркою, лезгинкою...

Тесно переплетаясь одним интересом — „ремонт полка“ — ключом бьет жизнь в офицерском собрании, в седельной, шорной, портняжной, сапожной мастерских... Наезд же казачек из станиц к мужьям, — придал всему отдыху полка вид бытовых, льготных лагерей на Кубани и по вечерам, всегда можно было слышать в строевой казачьей песне — ровный чистый и высокий подголосок приезжей гости...

А наверху, словно дирижируя волшебной палочкой, стоял наш полковой бог, рыцарски благородный, гордый и добрый, храбрый и обожаемый всем полком, полковник Эль-Мурза Асламбекович Мистулов,* казак из осетин-мусульман терского казачьего Войска. Полк цвел, гордился собою, мечтал о новой боевой славе... Это был его медовый месяц за все время войны, но это была и его лебединая песня...

Мистулов, получив бригаду, уехал на западный фронт, а на нас, как снег на голову — пала революция — „великая“... „безкровная“...

В полку никто ее не ждал. Мы все были слишком военные и слишком далеки от политики, чтобы могли ее предчувствовать. И вот, такой молодецкий и патриархальный полк казачий, — он растерялся среди бушующей солдатско-бунтарской массы в Сары-Камыше и — он даже не отстоял некоторых своих офицеров перед солдатней...

Словно после жестокого поражения, возвращался он в свое село Владикарс — хмурый, странный... В поводу велось несколько верховых офицерских лошадей: Командир полка, 3 сотенных командира и 3 младших офицера, насильно схваченные солдатами, были брошены там-же, в Сары-Камыше, в тюрьму... подталкиваемый карским гарнизоном — полк слегка зами-

* В 1918-м году застрелился на ст. Прохладной уже в чине генерала, не желая переживать расклад терских казаков, коими он тогда командовал.

тинговал... Но казачья совесть заговорила, и через несколько дней, казаки выручили своих арестованных офицеров.

Через полтора месяца полк перебрасывается в Финляндию, столкнувшись близко с солдатской и матросской массой и вкусив их „свободы“ — казаки призадумались. Их вновь потянуло к своему офицеру-казаку и уже после октябрьского переворота, когда по декрету большевиков, приказано было переизбрать весь командный состав — ими был приглашен на должность командира полка тот самый Войсковый Старшина К-н, — ветеран полка — которого они-же не отстояли раньше в Сары-Камыше. И не удержался старый служжак, маститый седой казачина, прибыл в казачий „круг“, где ему было объявлено желание полка: заплакал... заплакал горячими, радостными слезами... Немое молчание с потупленными взорами, было ответом ему „блудных“ сынов...

На Кубань! На Кубань! твердили казаки и, скрепя сердце, получив от Ленина (за его подписью) открытый лист на „безпрепятственный проезд с оружием в свои края для борьбы против Атаманов — Каледина и Филимонова“ — громоздкими эшелонами вытянулись сотни с далекого севера на милый и родной юг и, пройдя Петроград — облегчено вздохнули, показав в его сторону „дулю“...

В Кавказский отдел эшелоны прибыли одновременно и распоряжением из Екатеринодара — казаки с места же были уволены в отпуск.

Наступил 18-й год. Все строевые части Кубанского Войска, за исключением „персидских“, были уже дома. „Война окончена“, а что дальше?... Пожалуй, никто и не знал. Штабы полков и учреждения еще что-то делали, а казаки... казаки мирно и вольготно отдыхали в своих станицах и конечно, не думали возвращаться в полки, а тем более „слушать“ Екатеринодар. Как и везде, такова картина была и в Кавказском отделе.

Отпраздновав все святки, отдохнув хорошо и „назубоскалившись“ со стариками, казаки собрались по отделе, продали артельное имущество, деньги поделили между собою и, сохраняя внешнее воинское приличие многие из них стали осаждать и штаб полка и управление отдела, стараясь получить деньги, которые, по их расчету не были доданы когда-то и за что-то... Цельми днями блукали они по окружной Кавказской станице, месили грязь, чего-то все добивались, надоедали и самим себе и офицерам, уезжали к себе домой, вновь приезжали, опять надоедали... И из вонна-землероба, казак стал только землеробом — „мое отдай...“

А время все шло и шло и, незаметно для них, готовило новую страницу в историю Казачества, когда от казачат-подростков до глубоких стариков включительно, крутым поворотом событий, она сделала их вновь воинами-землеробами...

Остальные части Кавказского полкового округа были как-то в тени. Второочередной полк с западного фронта прибыл без офицеров и, разойдясь по домам, штаб полка оставил в станице Новопокровской. Там же ютились и штабы пластунских баталионов. Третьеочередной полк, мирнехонько, со своими уже пожилыми казаками, по семейному, как-то еще продолжал существовать, постепенно ликвидируясь...

Управление отдела, растерянно, но все-же копошилось, в полном своем бессилии доживая последние дни. И на местах и в центре — власть была бессильна... Лишь родные страдалцы „старики“, эти хранители вековой казачьей патриархальности и казачьей обыкновенности, да все поголовно бабы-казачки, только эти два элемента, с нескрываемой злобой, активно выступали против „хрантавиков“, тыча им в глаза проклятия.

Станица поделилась на два лагеря...

Приказ Войскового Атамана о роспуске старых казаков и формировании первоочередных полков из молодых присяг — не дал никаких результатов.

Наступил февраль месяц. На узловой Кавказской станции самовольно образовался солдатский военно-

революционный трибунал, взяв в этом важном казачьем дункте власть в свои руки и отрезав управление отдела от Екатеринодара. Ночной захват арсенала в станичной крепости солдатами 39-й пехотной дивизии, высланной этим трибуналом и продвижение этих вооруженных до зубов серых шинелей до самой церковной площади, при полной беспомощности местной казачьей власти, — показало даже фронтовикам, что назревают какие-то новые, неведомые и страшные события. Солдат с красным бантом, грубый и грязный, с винтовкою залез в казачью хату, где хозяином был только он, казак, коренной и природный житель своих краев... Это не прошло незаметным даже для тех казаков, кто поддался влиянию брошенной „всем“ „воли“. А через несколько дней, кем-то созданный отдельский съезд, в противовес Екатеринодару, признал советскую власть избрал комисарам отдела учителя Станицы Безрезанской Одарюка. Атаман Репнинов, уступая силе, сдал ему все дела и ушел в свою Расшеватку.

В станицах, под ликование иногородних, были избраны также комиссары и внешне — станицы стали советскими. Начался новый порядок. Центр отдела, станция Кавказская (хутор Романовский), куда казаки везли на базар свои излишки и где по пятницам был знаменитый окружной „точек“ (скотный и лошадиный базар) стал опасен для казаков. Там в казачьем костюме не появись. На все ввозимые предметы — налог, разрешение. По базару шныряют солдаты с винтовками. Все что было так просто и вольготно и из давным-давня принято среди населения — все было грубо отменено и требовалось невыполнимое и дикое на взгляд даже простого землероба, а тем более казака — хозяина своей кровной казачьей земли, своего родного казачьего края.

Заговорил и Одарюк. Всем частям приказано сдать оружие и разойтись по домам. К этому времени в станицы прибыли: из станицы Павловской 6-я Кубанская батарея, и из Персии — Екатеринославский (бывший 2-й Сводно-Кубанский) полк.* Из отбросов начался набираться „отряд особого назначения“ при комисаре отдела. Все эти события сразу отрезвили даже и фронтовиков. 28-го февраля пал Екатеринодар и Одарюк решительнее приступил к делу демобилизации казаков. В это время прошел слух, что генерал Корнилов идет с севера. Казаки насторожились. И не одна радостная надежда пронеслась в умах многих, ох, как многих из них. Заволновалась и новая власть. О Корнилове заговорили сильнее. Объявлена была мобилизация, а Одарюк стал формировать баталионы, вливал в них и иногородних. Казаки закрутили головами... Оставшиеся до конца с казаками молодые офицеры первоочередного полка, разсудив хорошенько и учтя момент — решили содействовать мобилизации, чтобы потом заняв казачьими гарнизонами Кавказскую и Тихорецкую — эти 2 важных узловых пункта, — ждать желанного момента. 1-й Кавказский полк Одарюком был оставлен в прежних силах с добавкою „революционный“. Баталионы же, не сформировавшись, — распозлились. Корнилов приближался. Чтобы испытать „революционность“ полка и 6-й Кубанской батареи им приказано было спешно сосредоточиться в Тихорецкой. Такого экспромта никто не ждал. Казаки замитинговали уже по настоящему, резолюциями своими показывал явное нежелание итти против Корнилова. Одарюк, совместно с солдатским революционным трибуналом заговорил сильнее: „Казакам итти на фронт или-же сдать оружие“. Казаки умышленно медлили, а власть пугала расправою. Наконец, первые сдали и погрузившись без лошадей — прибыли в Тихорецкую. Кавардак, самый настоящий революционный, царил там в многочисленных штабах и в войсках. Слухи же о Корнилове все усиливались, „... сметает всех...“ „... вот бьет, так бьет...“ „... без промаха...“ „... Куда там нам...“

Слушают казаки болтовню красноармейцев и сердце замирает от радости. „Хоть бы скорее туда... да всем полком...“

* Из Новопокровской прибыл штаб 2-го Кавказского полка и штабы пластунских баталионов. Станица была переполнена казаками.

Власть казакам определенно недоверяла и держала их в резерве. Прождав 2 дня — полк и батарея, самовольно погрузившись в вагоны, вернулись обратно в Кавказскую.

В тот-же день от Одарюка получен грозный ультиматум: „В 24 часа казакам сдать оружие, а нет — вышлетесь отряд и броневики“.

Тон был слишком определенный, что-бы его не учесть. Казаки почувствовали, что с ними уже не шутят. События же в станицах сами по себе говорили, о предстоящей кровавой развязке.

В Темижбекской, Успенской, Новопокровской и Архангельской станицах произошли насилия, грабежи и аресты уважаемых стариков какими-то карательными отрядами из солдат. Неслышанное дело, что в станицах казаки не хозяева своих станиц, — сделало свое. Голос обиды и возмущения всколыхнул всех. Зная скопление фронтовых казаков в Кавказской, пострадавшие станицы негласно прислали своих гонцов, прося помощи и защиты. В этот момент ультиматум Одарюка и сыграл роль поджигателя горючего вещества.

В крепости толпы казаков. Об ультиматуме из них никто еще не знал. Но общее, грозно-молчаливое настроение царило всюду. Среди толпы бросались в глаза длинные седые бороды стариков-кавказцев и многих офицеров, ранее никогда не присутствовавших в крепости. Тяжелое молчание давило всех, а взгляд... взгляд выражал вызов, решение...

При мертвой тишине, командир полка под-есаул Б-в прочитал ультиматум. Легкая пауза по прочтении, все в той же страшной тишине...

„Так как-же поступим?“ нарушил молчание командир. Этого вопроса словно ждали.

Рев, зверинный рев многотонной толпы был лучшим выразителем их душ.

„Не сдава-ать!!! Не сдадим!!! Давай сюда Одарюка!!!“

И среди бушующей, порывистой молодежи, послышались всхлипывания стариков — радостные, призывающие...

„... Де-еточки... по-од-держиге... давно бы так...“

Женские слезы?! что стоят женские слезы, в сравнении со слезами воина-казака!? — им грош цена. Не верите? — дело ваше! но — тогда разрыдалась вся толпа... Момент был страшный.

Пропасть, искусственно создаваемая между двумя поколениями, стихийным движением души сомкнулась своими берегами и на ее месте выросла могучая фигура казака-воина: свободолюбивая и грозная, каковым родила его мать-казачка и каковым воспитал его своеобразный край родной, казачий...

Слезы разрядили и побратали всех. Тут-же гонцы от станиц открыто выступили с просьбой о помощи. Тяжелое положение было в станице Темижбекской, медлить было нельзя.

„Кавкаш*) по дома-ам!.. всем собраться верховыми у новой староверской церкви... и на Темижбек!!! бросает в толпу станичникам под-есаул Е., и, подвигнутый полным сочувствием, торопится домой, к строеному коню.

По красной улице, с тремя сотенными значками в группе Темижбекцев, несется он к восточной окраине станицы. Вооруженные, всегда удалые Темижбекцы, боевые колышущиеся значки, пляшущие застоявшиеся кони, вызывающий взгляд седоков, нервно-торопливая скачка кавказцев к сборному пункту — все это взбудоражило станицу, ничего не знавшую о случившемся.

*) Так называют казаков станицы Кавказской ближайши станицы.

(Окончание следует).

Шамба Балинов.

Сезонное убеждение.

В Пражских казачьих эмигрантских кругах вот уж несколько лет вращается донской полковник Григорий Чапчиков. В недалеком прошлом он известен донцам как бравый командир Калединского полка, хороший боевой товарищ, панибрат со всеми казаками. Его политическое кредо тогда не было известно казачьей массе. В Праге он зарекомендовал себя политически как крайний монархист, жаждущий и чающий „Императорской России“, видящего спасение Казачества под императорской короной. Не проходит почти ни одного собрания в Праге, где бы он не выступал с проповедью своей политической веры, где он своей внешней манерой и несерьезностью давно уже приучил пражскую публику относиться ко всем его выступлениям с улыбкой, с иронией...

Тем не менее он с энергией, достойной лучшей участи, выполнял „политический заказ“ своего начальства и на меня лично производил впечатление цельной личности, убежденного человека, фанатически преданного монархической идее.

Вот почему и его последнее выступление на собрании казачьих студентов Пражского района, где он надрывно взывал к „русскому чувству“ присутствующих, призывал всех к „верности идее Великой Национальной России“, настойчиво добивался исключения „иностранцев — вольных казаков“ из состава Общеказачьей Студенческой Станицы, в результате чего он сам со своими немногочисленными сторонниками, оставшись в меньшинстве, вынужден был покинуть собрание, — все это меня совершенно не удивило.

Что-же, — думал я, — это его выступление — логическое следствие его убеждения. Человек вырос на идее Императорской России, ею проникнула вся его природа и сердце. Цельной натуре переделывать себя трудно. И всякий другой человек на его месте сделал бы то же самое.

Но каково было мое удивление и разочарование, когда я случайно узнал, что нынешнее убеждение Григория Чапчикова — убеждение „сезонное“. Что он не так давно был „убежденным“ демократом, а затем, о, ужас! подлинным самостийником.

Случайно я наткнулся на стенографический отчет 1-го с'езда „Союза Возрождения Казачества“ происходившего в мае 1921 г. в Константинополе. Из этого отчета видно, что полковник Чапчиков („Командир Калединского полка“, — т. ч. ошибки быть не может) в мае 1921 г. состоял членом этого республиканско-демократического казачьего союза и на первом его с'езде принимал активное участие, выступал с речами.

В этих речах указывал, что Союз „в противовес активной работе монархистов должен усилить свою пропаганду в казачьей среде“... Взывал к осторожности, чтобы Союз не делал шагов, которые могли бы „лить воду на мельницу Врангеля“... Заклинал не верить и правым и левым русским, ибо „и те, и другие пользовались казаками лишь для достижения собственных целей. Казаки же платились за это потокам крови и разорением родных краев. На первом плане должны стоять собственные (казачьи) цели, к достижению которых нужно стремиться с несокрушимым упорством и энергией. Мы должны помнить, что мы прежде всего казаки“...*)

Так верно и ярко, в немногих словах, выражал тогда всю казачью программу полковник Чапчиков, еще не зараженный всевозможными политическими

*) Стенографический отчет 1-го С'езда Союза Возрождения Казачества, происходившего в мае 1921 года в Константинополе. Экземпляр этого отчета имеется в Редакции.

теориями, непосредственно общаясь с казаками, живя в гуще казачьей массы.

Времена меняются, меняются и люди.

Итак, Григорий Чапчиков, донской казак, в мае 1921 года в Константинополе был республиканцем-демократом. Но в мае следующего 1922 года в Румынии мы видим его уже настоящим самостийником, пишущим резкие статьи в самостийной газете „Голос Казачества“.

Недавно в мои руки попал комплект этой газеты и вот, перелистывая его, я наткнулся на статью Григория Чапчикова (№ 24 от 23 апреля 1922 года), а в № 25 — статью „Калединца“, (псевдоним Григория Чапчикова).

Чтобы не было сомнения в самостийности этой газеты, приведу кратко выраженную политическую ее цель: „Кубанская и Донская Республики — для блага и счастья своих народов, а не для служебной роли у Москвы“. И вот в этой газете Чапчиков в статье „Наши неудачи“ так определяет политические причины наших несчастий: „Неестественный союз Казачества с Деникиным и Врангелем, нежизненные лозунги борьбы („Единая, неделимая“), ничего неговорящие казачьему сердцу и не поддерживаемые народом, грабежи, насилия, насаждение губернаторов, охранок, помещиков и т. п.“ — „Лозунг „единая, неделимая“ был чужд и непонятен Казачеству“, — За честь Дона и вольность казачьи“ — вот лозунги, воодушевлявшие казаков“. („Г. К.“, № 24).

Было, оказывается, время, когда командир полка Чапчиков отдавал приказ: „не место среди нас и тем, кто для защиты чести и имени отца-Атамана и Тихого Дона хоть на мгновение задумается рискнуть своей жизнью“ („Г. К.“, № 25).

Яркими красками описывает г. Чапчиков отношение к казакам со стороны „Главного Командования“ — „Ваньков“ (иногое эпитета для русских у него нет), все

бесцеремонно-издевательское обращение с казачьими полками уже в эмиграции, в результате чего казачьи полки вынуждены были распыляться.

„То, чего не смогли за три года разрушить коммунисты слева, за один месяц добились коммунисты справа. Ликует гвардия и с нею вся черная сотня — ненавистного, непокорного им Калединского полка нет... Но не злорадствуйте черные вороны: рассеяны, но живы еще калединыцы...“ („Г. К.“, № 25).

Так не чернилами, а кровью казачьей писал Григорий Чапчиков о печальной доле казаков. Всего этого его писания я не знал и теперь, узнав, был глубоко поражен происшедшим в нем изменением.

Какая ирония судьбы. Поучительная картина. Свободный, вольный казак добровольно входит в ту семью, которую сам же назвал „стаей черных воронов“. Чапчиков 1929 года предает анафеме, требует исключения из казачьей семьи Чапчикова 1922 года.

Чапчиков 1922 года, заканчивая свою статью, призывает казаков: „Дружно за работу все молодое, энергичное, смелое, все лучшее, способнейшее и любящее Казачество! Вперед за Казачество и за вольность!“ А Чапчиков 1929-го года зовет казаков на борьбу за „стаю черных воронов“, за корону императорскую!

Что это — смерть казачьего чутья, вырождение казачьей души в силу отрыва от казачьей массы Казачества, или просто постоянно, как шкурка хамелеона, меняющийся безпринципный карьеризм или пресловутый практический нюх, рвачество, „реализм“ нашего времени?

Или просто „сезонное“ убеждение?

Не станем утверждать то или другое. Но только искренно жаль, что для меня становится меньше лишним человеком, имеющим убеждение.

Думы и мысли.

До братів козаків.

Тяжелая это и „неблагодарная“ вещь — делать что-либо, что не отвечает настроению большинства. „Безумцам“ иногда и удается свернуть шею „общепринятому“ расценивавшемуся дотолу „благоразумным“ большинством, как нечто абсолютное „его же не преиждиши“. Чаше „установленное“ сворачивает шею „безумцам“.

Редки случаи, когда человек (не в собирательном смысле), осмелившийся увидеть то, что другие не видели (чаще не хотели видеть), отделяется легко. Обыкновенно его „обезвреживают“.

Но, если открытие новых истин, или очищение от мусора условностей старых, требующее „жертв испупительных“, является прерогативой „безумнохрабрых“ или гениев, то выявление своего лица таким, каково оно есть в действительности — не есть монопольное право ни первых, ни вторых.

Для того, чтобы сказать кто ты и что ты, не обязательно быть ни „гением“, ни „безумно-храбрым“. Не обязательно и „дипломы“, „известности“, „общезвестности“, „высокоавторитетности“ и т. д. и т. п.

И все-же мы, казаки, за всю свою историю, даже в „русской истории“ квалифицировавшиеся, как нечто от русского народа отличное, все еще не решаемся, раз и навсегда, целым народом, сами сказать свое имя. А отзываемся на всякое, каким нас заблагорассудится окрестить другим...

Много этих наших „имен“. Даже сами „работодатели“ наши не утвердили за нами одного, общего имени. Как правило, они „признают(?)“ нас, как что-то особое. Но что это — „что-то?“

Недавняя „анкета“ о Казачестве в этом отношении для нас особенно поучительна. А вывод и выход один:

Самим казакам сказать кто мы и что мы. Самим, раз навсегда, разубить гордиев узел — не-

желания „работодателей“ понять нас и нашего собственного самодумства.

И сделать это может каждый казак. И сделать это должен каждый казак. И чем скорее, тем лучше. Для самого-же...

А пример есть. И пример хороший. Каждому казачу понятный. От сердца — сердцу сказанный. В той-же самой „Анкете“: первым нашим казаком Ф. А. Щербиню и „простым генералом“, казаком Кокуныко.

А и вступать есть куда... Да и куда бы казак вступал, если не в свои Вольно-Казачьи станицы?.. Нужно только поменьше (еще лучше никак!) обращать внимания на эпитеты и „ласковые слова“, которыми такого не „смелого“ и даже не „осмелившегося“, но просто вольного казака награждают те, для кого вольность, а тем более казачья — дерзость неслыханная...

Ну, в самом деле, — что нам до того, что скажет княгиня Марья Алексеевна?..

Для кого наши головы — буйные головы; для кого — „скорбные“ головы, а для кого — „забубенные головушки“... Ну и пусть их занимают антропометрическими измерениями вольно-казачьих голов! Для нас то, ведь важно лишь то, что наши головы — наши. Какие есть. А какие есть — знаем сами...

Сколько нас, казаков, в эмиграции?

— 10, 15, 20, тысяч?

А между этими десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами „политических эмигрантов“?.. Вот таких, что эмигрировали лишь потому, что их политические эпитеты не оказались по вкусу политическим аппетитам оставшихся?..

— 10, 15, 20?

А остальные? Разве остальные „эмигрировали“ не потому, только, что они казаки? И разве-же наш Великий исход можно назвать эмиграцией?..

Так зачем-же нам разбиваться по чужим эмигрантско-партийным закуткам? Стыдливо опуская очи долу при упоминании нашего настоящего имени?..

И играть незавидную роль „синих блуз“ будущего? Нумерованных „сил“ в руках „признанных“ и общепризнанных“ устроителей — чужого?!

Сербская поговорка говорит: уважай чужое — своим гордись.

Как-же нам не гордиться с оим, когда само имя наше заключает в себе идеал, к которому стремятся все народы:

Вольный человек-казак!

Как-же не заявить о себе? Не выйти Вольно-казачьей силой на международный шлях!

Вольное Казачество уж хорошую „ленту“ протоптало. И уж тесна она для всех, идущих по ней. Уж опашивается „лента“ под широкий шлях!..

Поспішайте ж, брати, з чужих кутків!.. Де-б ви не були...

Бо на Вільну Кубань не ведуть всі дороги, як в Рим. А тільки одна:

Вольно-Казачій шлях

Вл. Куртин.

Воспоминания.

... Осень. Юнкера возвращались в Екатеринодар после лагерного сбора в Анапе. На другой день все разлетелось по домам в отпуск, за исключением немногих, которые не имели ни родного дома, ни знакомых в освобожденных от большевиков областях; то были неказики.

С радостью в сердце под'езжал я к станции. Думал, что вот встречу со своими друзьями, которые не будут меня узнавать в новой юнкерской форме, будут осматривать каждую часть моего костюма, а главное шашку, придававшую некоторую солидность... Ведь только вчера я был учеником, мальчиком, носил красную (реалиста) фуражку, а уже сегодня я юнкер, „заступник слабых и защитник отечества“. Гордость поднималась от сознания, что и я что-то значу.

Дома встретили, как всегда, радушно. Рвался я в общество знакомых, ибо предполагал, что только там полностью может оцениться моя особа в юнкерской форме. И... я между ними, в кругу желанного общества, а похвал нет; нет той задушевности, которая была раньше, нет того внимания, которое мне оказывалось, когда я еще не носил этой военной неказачьей формы. Не скажу чтобы было презрение, нет, но было полное равнодушие, как мне казалось на первый взгляд. Я не знал, вернее не старался узнавать истинной причины подобной перемены. Грустно стало. Это удивление, еще больше усугубилось, когда я увидел здесь-же своих сотоварищей — юнкеров другого военного училища, носивших казачью форму и пользовавшихся должным отношением. Очень не понравилась мне такая обстановка и я поспешил поскорее уйти, предоставляя времени разрешение создавшихся вопросов.

Кончились дни отпуска и снова юнкера принялись за дело. В городе Екатеринодаре появилось больше военных. Вскоре пошли дожди, настали легкие холода, а вместе с ними и наша, юнкерская жизнь перестала быть закрытой. Все чаще и чаще команды юнкеров посылались нести караулы в различные учреждения. Вскоре мы узнали, что эти караулы несли раньше казаки местного гарнизона. Вышли, очевидно, из доверия казаки, так некоторые думали из нас, а почему, мы не могли себе ответить. В то-же самое время чувствовалась какая-то тяжелая атмосфера, а отчего, мы опять-таки до конца не могли проникнуть. Наконец, мало-по-малу тучи надвигались и гроза приближалась; вместе с происходившими событиями слухи о них проникали и к нам. Слышно было, что фронт катится на юг, казаки бросают фронт. Одни говорили, что казаки не желают воевать, потому что им надоело, другие — что казаки идут защищать от кого-то своих атаманов и правительство, третьи — что казаков в тылу обижают. Где была правда, нельзя было узнать, но чувствовалось что-то неладное. Город почти изменил свой внешний вид. На улицах встречаются почти исключи-

тельно военные люди, казаки и неказики. Мельком донося слух и до меня, что наши атаманы и правительства не ладили с командующим Добармией, который вмешивался во внутреннюю жизнь Казачества.

В мокрое утро, 6-го ноября 1919 года, по обыкновению прозвучали очередные сигналы и юнкера уже приготовились в классах к лекциям. Вдруг слышится команда: „одевайсь“, и через пол-часа военное училище в полном составе, за исключением дежурной части, покинуло стены здания. У каждого на устах был один вопрос: „куда?“ — но никто не мог дать на него ответа. Даже наши близкие командиры и те не могли дать исчерпывающих объяснений о происшедшем. Нужно было только удивляться, до какой степени нечестно, воровски, было организовано вмешательство чужих в нашу жизнь. Оказалось, что мы, казаки, сами разогнали свое же выборное правительство — Раду, а некоторых членов ее в тот-же день лишили свободы; мы сами оказались лучшими помощниками в деле экзекуции над Кулабуховым. Да, мы были „лучшими“, потому что мы, юнкера нашего училища и все части, прибывшие тогда-же к зданию Зимнего театра, где происходило заседание Кубанской Рады, служили верно своему Краю и думали, что идем совершать доброе дело. Верховное главнокомандование, оказывается, тайно отдало приказ расправиться всеми правдами и неправдами с самостоятельным правительством, думая тем самым „пресечь в корне“ это, для него нежелательное, течение.

Но оно ошиблось. Самостоятельность исходила не из Зимнего Театра, а из станиц. Скоро, после выполнения нами „славного“ долга, мне удалось получить отпуск домой на 4—5 дней. Отправляюсь домой. В английской шинели, в английской фуражке с кокардой, я прежде всего встречаюсь на вокзале нашей станции с группой казаков, сверстников и родственников. Первые слова, которые я услышал от них, были „и ты продался картузику, и ты за мужиков“ (мужик — значит, всякий неказик) и, отступив с разных сторон, начали выливать всю брань по адресу добровольцев. Спрашиваю, что случилось, почему такая ненависть? И в ответ слышу: „а за что Кулабуха повесили?“ Тут только мне стало все ясным. Приблизительно за полчаса беседы с ними я узнал много больше, нежели я знал в момент, когда я шел арестовывать Кулабухова и в тот момент, вероятно, был-бы прибит этими простыми казаками, если бы я не был их родственником или если бы они меня не знали. Два дня я ходил по станице, встречался нарочно с простыми казаками и везде слышал одни и те же слова. На третий день мне нужно было по делу побывать в одной из станиц Таманского отдела и, наслушавшись много „простой политики“ на Старой Линии, я стал прислушиваться здесь. И здесь слышу ту же песнь „за що Кулабуха повісили?“

Так вот она где истина, думал я, возвращаясь в Екатеринодар. Оказывается, простой казак больше меня знал, больше меня видел и больше проявлял свою казачью физиономию. Да, там истина, среди простой массы и там нужно искать начало всему...

И. Евсиков.

Мысли о судьбах своего народа.

Любой государственный организм в нормальных условиях жизни живет и развивается, как всякое живое существо, до тех пор, пока все факторы, составляющие эти условия, имеются налицо.

Но в истории человечества и в жизни, народов под влиянием различных причин, нередко происходит нарушение упомянутых условий, в силу коих жизнь неминуемо перестраивается на новый лад, на более приемлемый и на более жизненный или желательный.

Так и революция 1917 года, разыгравшаяся на широкой равнине б. Российской Империи, принесла с одной стороны неисчислимые бедствия всем ее народам, с другой стороны дала возможность интенсивной работы по национальному возрождению, пробудила национальный дух. Если задаться теперь вопросом, что принесла революция 1917 года малым народам, судьба которых ве-

ками находилась в чужих руках, то возможно, что в будущих последствиях революции окажутся и светлые явления.

Ни для кого не секрет, что каждый народ, находившийся в крепких когтях Императорской России, лишен был возможности сам, по своему строить свою жизнь. Революционная встряска изменила положение и взаимоотношение народов, и угнетенные народы в будущем, вероятно, получат право распоряжаться своей судьбой. В частности калмыцкий народ, подвергавшийся опасности руссификации в дореволюционное время, теперь начинает осознавать себя и пытаться выйти на путь национальной свободы и национального возрождения.

Это пробуждение национального духа особенно сильно замечается в той части калмыцкого народа, которая в результате послереволюционных событий невольно очутилась в Европе и приобщила к ее культуре.

Калмыцкая интеллигенция, очутившись за границей в более или менее благоприятных политических условиях, начинает дружно браться за работу в исканиях путей национального освобождения. И это радостное явление не может не приветствовать всякий сознательный калмык.

К тому еще нужно добавить, что отрядным фактом нашего настоящего является то обстоятельство, что с каждым годом, как здесь в эмиграции, так и там на Родине, количественно разрастается молодая калмыцкая интеллигенция. В переживаемую нами эпоху освободительных тенденций, замечаемых у малых народов, вся наша интеллигенция и в дальнейшем должна будет напрягать и выявлять всю свою творческую способность и умение, чтобы по намеченному верному пути национального возрождения, национального самоопределения добиться благоприятных результатов.

Быть безразличным к своей судьбе в наше время немислимо, ибо смысл правдивого изречения „в борьбе обретишь ты право свое“ стало одним из боевых лозунгов малых народов.

Калмыцкий народ в целом по своему географическому положению, тождественностью его краевых интересов и по структуре своей души всегда чувствовал большую близость к казаку-свободолюбцу, чем к „богоносцу“ в лаптях, что подтверждает мирное, братское вековое сожителство калмыков с Казачеством.

Калмыки — пришлый народ и не были покорены Россией, как многие иные народы, а жили в пределах ее на основании договоров, заключенных их Ханами с русским правительством. Им, привыкшим жить свободной жизнью, не знавшим в своей истории опеки чужой руки, трудно было переносить активное вмешательство в свою внутреннюю жизнь русских губернаторов, и они постоянно тяготели к былой своей вольности и, не перенося чуждого их природе притеснения, не раз возмущались, поднимались со своих насиженных, привычных мест и, в конце концов, огромная часть калмыков бежала в свою древнюю Родину — Зюнгарию.

В жизни и других частей калмыцкого народа (астраханских и ставропольских калмыков) чувствовалась постоянная тяга к Казачеству и, по совершении революции, все части калмыцкого народа и формально были слиты с Казачеством. С этого времени в казачьей семье являются „новые“ казаки.

Но, к несчастью всех калмыков, вскоре появились большевики, ставившие себе одной из главнейших задач — ослабление силы Казачества. В связи с этим печально сложилась и судьба калмыцкого народа. Вместо административно независимой от центра и экономической крепкой единицы, калмыки в настоящее время имеют „автономную“ область с широкою песчаную полосу, сулящей главной массе калмыцкого народа (астраханцам) хроническую нищету и голод.

Защитники территориального и духовного объединения калмыков в СССР совсем забыли о том, что будущее наше будет зависеть не только от воли всех частей калмыцкого народа, а также от экономической перспективы нашего Края. С этой точки зрения насильственное перетягивание донских калмыков в Ставропольскую губ. чревато печальными последствиями. В результате „разумного“ проведения и осуществления идеи объеди-

нения калмыков в советском „рае“ мы видим астраханцев — на голых песках, а донцов, — лишенных своих привычных плодородных мест. А территории между донскими и ставропольскими калмыками почему то представители астраханских калмыков не использовали, что обещало бы им в будущем нормальное развитие хозяйственно-экономической жизни целой области.

Задумываясь в будущем еще более теснее связать свою судьбу с Казачеством, нам, калмыкам, необходимо знать его силу и трезво смотреть на его будущее. Важность этого вопроса требует от нас разобраться в нем. Враги и истинные благожелатели Казачества по разному предрешают его судьбу. Но, принимая во внимание все славное историческое прошлое Казачества, его недавнюю героическую борьбу за свое самостоятельное бытие, за самостоятельное существование и пробуждающееся в эмиграции казачье самосознание, мы обязаны с верою и бодро смотреть на светлое будущее наших Краев.

Мы знаем, что казаки в активной и непосильной борьбе с большевиками пролили много крови и пожертвовали многими сынами. Знаем также, что ни одна тысяча их выброшена за борт родного корабля и нашла себе пристанище у далеких берегов. Но в уцелевших и вырастающих за китайской стеною большевизма несомненно таятся живородящие семена старого былинного Казачества. И они теперь могут дать на почве, политой святою кровью отцов своих, ценные плоды.

Часто слышишь в эмиграции, что казаки — не нация, не народ. Но неужели для устройства самостоятельной жизни нужно обязательно иметь особые черты геополитической формации или ясные черты зоологического характера? Ведь чистокровные же англичане, осевши за океаном, создали Америку, великую, новую нацию американскую.

Казачество имеет все три фактора государственного образования. Допустимо только у некоторых пессимистов сомнение в наличии волевой и организованной интеллигенции. Но недавняя борьба за свою казачью жизнь, за свою государственную самостоятельность и наличие нижеприведенной цифры, показывающей число студентов-казаков, учащихся в разных государствах Западной Европы, говорят не в пользу сомневающихся*).

Так, в Чехословакии их	502 чел.
во Франции	97 "
в Бельгии	23 "
в Болгарии	110 "
в Сербии	105 "
в Германии	3 "

Всего 840 чел.

Из этого количества добрая треть уже окончила свое образование. Не говоря о старой интеллигенции Казачества и об интеллигенции, находящейся в СССР, вышеприведенная цифра вполне отвечает теперешним заданиям Казачества.

Нам, калмыкам, очень трудно бороться против руссификаторской политики северного гиганта. В деле защиты политических и государственных прав и отстаивания культурно-национальных особенностей против посяательства русского великодержавия мы должны искать сильных и верных союзников. Таковым было у нас Казачество, которое ныне, к нашей общей радости, все усиливаясь под флагом Вольного Казачества, расширяет свое законное и святое дело, приобретает новых союзников в лице Украины и народов Северного Кавказа.

Идея и работа Вольного Казачества отвечает давнишним нашим стремлениям освободиться от чужого насилия, почему необходимо калмыкам работать в тесной дружбе с казаками. Эта идея, ведущая к освобождению всех малых народов должна быть использована всеми сознательными сынами, любящими свою Родину и свой народ.

Э. Бурюльдушов.

*) Эти сведения получены в Правлении Общ. Казачьей Студенческой Станицы.

Казаки о „В. К.“*Из письма калмыка.*

„Глубокоуважаемый... С. Б.

... Хотя я не политик, но ценю ваше участие в журнале „В. К.“ и душою приветствую и дай Бог успеха Вашей идее.

Мы, калмыки должны искать себе счастье там, где нам не мешает никто, этого мы можем добиться идя нога в ногу с Вольным Казачеством.

Приветствую всех тех, кто затеял это хорошее дело. Рад бы душою помочь этому делу, но я человек простой и не знаю, чем бы я мог быть полезным. Знаю одно, что старого не вернуть, идти опять спасать Москву или единую нераздельную глупо. Довольно быть ручными. Знаю, что есть Казачество и будет, говорить за себя оно может и достойно. А чужая партия нам не нужна, ни правая ни левая, у нас своя партия — казачья.

Санжа Улюков.

Бельгия.

Не казаки о „В. К.“*Вельмишановна Редакціє!*

... Хотілось-би мати повний комплект Вашого спорідненого нам, такого змістовного і такого потрібного нині органу, як Ваше „Вільне Козацтво“.

В статтях почувається не лише те шляхетне почуття власної гідності, яке мусить викликати повагу навіть з боку Ваших переконаних противників, але й переконуюча ясність Ваших вільнолюбивих позицій.

У нас-же, у українців, що йдуть під демократичним прапором Уряду Української Народньої Республіки, Ваші позиції викликають лише самі щирі почуття радісних симпатій.

Тепер ні Ви, ні ми, ні горді Народи Кавказу, в рішучий мент, який уже не за горами, не будемо такими одиноками, якими були ще в недавньому минулому.

Прийміть же, лицарське козацтво, може спізнене, але щире привітання від синів Незалежної України. Від нащадків козаків Запоріжжя, що хвилево перебувають на терені Румунії.

Хотілось-би, щоби голос Ваш доходив тут до широкого загалу і то не лише до козацтва, але й до всіх тих, хто розуміє українську та російську мови...

З правдивою пошаною Дмитро Геродот.
2-III-1929.

Письмо в редакцию.

Уважаемый Г. Редактор!

В Парижской газете „Возрождение“, № 1358, есть статья г. Яблоновского, в которой он очень резко выражается по поводу с'езда Украинцев в Варшаве. Наверно для него очень больно отделение Украины и Казачьих Областей от „матушки России“. — Наверно она для этих краев была не матушка, а мачеха, — от хорошей матушки не очень отделяются дети, а тут что-то не так, раз дети бегут, несмотря на то, что их и ублажают, ругают и берут на искуг.

Г. Яблоновский привел даже слова Пушкина: „Из мелкой сволочи вербует рать“. Кто же эта мелкая сволочь? уж не население-ли Украины, Дона, Кубани и Терека? А если да, то г. Яблоновский уж очень рано так определил это население; еще не посадил птичку в клетку, а так величает, что же будет тогда, когда это население пойдет под державную руку Яблоновских?

Г. Яблоновский поет так: „чтобы отнять от России: Кавказ, Новороссию, Волгу, Дон, Кубань и все прочее. придется вести не одну войну, а целую серию войн, при том победоносных“. — Кто же это будет отнимать от России эти области и кто это будет вести несколько войн, да еще победоносных? Кажется, никто не собирается отнимать, никто не собирается воевать, ни Дон, ни Кубань, а просто хотят отделиться и жить самостоятельно, составив союз на одинаковых правах. Ведь, кажется, теперь уже все выросли с пеленок и в няньках не нуждаются, и, кажется, казаки тоже поняли, кто им нужен и тоже в няньках не нуждаются...

Напрасно г. г. Яблоновские напрягают свои потуги, — того уже не вернут, что было раньше.

Г. г. Яблоновские, не примазывайте Мордву, Черемисов к нашему делу, пусть и Мордва и Черемисы останутся пока у вас...

Старый Донской Казак.

6-III-1929. Сливен, Болгария.

В СССР.**Коминтерн и СССР.**

Что III Интернационал и Совдепия — сопряженные фокусы, это давно известно каждому мало-мальски грамотному в политических делах.

Но против этого очевидного факта всегда боролась, официально его отрицая при каждом для себя неудобном случае, советская дипломатия с ее очень ловким министром иностранных дел Чичериним.

Дело в том, что поведение одного из этих снамских близнецов — коминтерна, не всегда бывает на руку другому, т. е., СССР, или, точнее выражаясь, его коминделу.

В то время, как коминтерн усиленно, хотя впрочем вполне безнадежно занимался экспортом соцреволюции в Европу и даже в более отдаленные континенты, коминдел — всячески старался доказать миру, что:

Во 1) это не так, что никакою такою злокозненною пропагандою за пределами родины III Интернационал не занимается и никогда не занимался, а во 2), что советское правительство не имеет с ним ничего общего, что, мол, каждый из них существует совсем независимо — сам по себе.

Что касается первого заявления, то оно так же мало состоятельно, как и возмущенное оправдание той анекдотической мадемуазель, которая будучи поймана своим кавалером сердца in flagranti, т. е., в объятиях с каким-то другим господином, с искренним негодовани-

ем реагировала на вполне понятные упреки первого, говоря:

— „Вот как! Теперь я прекрасно вижу, что вы не любите меня, ибо вы более верите тому, что видите, чем моим словам“.

Точно также и Европа более верит относительно коминтерна своим глазам, чем оправдательным заявлениям по этому поводу советского правительства.

Но что и второе официальное разъяснение совправительства по этому вопросу не выдерживает никакой критики, прекрасно явствует не только из программной статьи Ленина: „III Интернационал и его место в истории“, где подчеркивается идея полной сопряженности коминтерна с существованием Союза Советских Социалистических республик, но и из недавней, тоже программного характера передовицы М. Яблоновского: „К десятой годовщине коммунистического Интернационала“, специально написанный для ч. сл. коммунистического органа — „Rudé Právo“ (№ 51 от 28/II. 1959 г.) и где этот присяжный советский публицист, понято защищает вышеупомянутую точку зрения Ленина относительно этой щепетильной проблемы, а в свою очередь совсем недвухсмысленно демонстрирует интимную связь между совправительством и коминтерном, откровенно заявляя:

— „Это в то-же время значит, что тот, кто борется за основные принципы и цели коминтерна (разбивка советского автора), должен

тоже бороться за советский Союз. И наоборот: Вся история международного рабочего движения доказывает, что все, те которые идут против дела октябрьской революции, должны считаться наиболее завзятыми врагами коминтерна“...

Свои пространные вариации на этот лейтмотив большевицкой политической идеологии, Яблонский в конце концов формулирует в следующем положении, в смысле своей ясности и определенности не вызывающем ни малейших сомнений:

— Значение этой простой формулы таково:

За или против коминтерна, за или против

советского Союза! Третьей возможности нет!..“

Весьма сомнительно, чтобы этот очередной орис публицистического творчества Яблонского вызвал энтузиазм в Московском коминделе и умилил его дипломатического шефа — Чичерина...

В тоже время не приходится отрицать, что до сих пор мало-кому из советских казенных публицистов удалось с большею откровенностью и убедительностью доказать давно всем известную большевицкую аксиому, что коминтерн и СССР — это in politicis настоящие сямские близницы и что поэтому совсем напрасно красный Кремль в этом деле играет с Европою в прятки или неудачно старается скопировать страуса, прячущего голову в песок...

Международная жизнь.

Маршал Фош умер.

20 марта, в 7 ч. вечера, в Париже скончался маршал Фердинанд Фош, б. главнокоманду-

ющий союзных армий в Мировую войну, победитель немцев.

Казачья эмиграция

Новые издания „В. К.“

На совещании ближайших сотрудников „В. К.“, состоявшемся под председательством редактора 4 сего марта, решено поставить на очередь дня осуществление следующих изданий:

1. Книгу о Казачьих Землях на французском языке. Книга намечена как сборник статей информационного характера по такой приблизительно программе:

Территория и народонаселение Казачьих Земель. Краткая история Казачества. Краткая география К. Земель. Экономика К. Земель. Политическо-государственная программа Казачества. Казачество и Россия. Казачество и большевизм. Культурный уровень населения К. Земель и др. Книгу предполагается снабдить надлежащими таблицами и картами.

2. „Календарь В. К.“ на 1930 год, в котором, наряду с обычной календарной частью, поместить литературно-политический альманах (сборник). В этот сборник должен войти весь тот материал, который войдет в первую книжку, с прибавлением еще целого ряда статей на темы: о внутренней базе казачьей государственности; о казачьих эмиграциях: прошлых и настоящей; о политическо-идеологических группировках в казачестве; о казачьей эмигрантской прессе; отдельные картинки из прошлой борьбы или интересные политические моменты. Сборник должен быть дополнен литературно-художественной частью и галереею павших на своем посту.

— Обе книги предполагается выпустить наипозже в конце лета или начале осени настоящего года.

3. „Иллюстрированная история Казачества“ по программе, предложенной в статье Т. Игнатовича, помещенной в № 28 „В. К.“

4. „Казачество в 1917—1920 годах“.

— Приступлено уже к переговорам с возможными авторами и сотрудниками предполагаемых изданий.

От редакции „В. К.“ Редакция с большой благодарностью бы приняла как дар или купила для своей библиотеки: полные комплекты журналов „Казачьи Думы“ и „Казачье слово“ и газеты „Голос Казачества“.

Точно также большая просьба ко всем редакциям периодических и не периодических казачьих изданий прислать в редакцию „В. К.“ уже вышедшие книги, журналы или газеты и высылать выходящие вновь, в обмен на „В. К.“

Донской Кадетский Корпус в Югославии.

Новороссийская эвакуация проходила в полной сумятице. Многие кадеты, отбившись от своего корпуса, рассеялись по различным воинским частям, лазаретам, госпиталям, которые не попали на загадочные берега Африки, а были переброшены на крымское побережье.

Здесь, в Крыму, очутилось несколько десятков кадет Донского корпуса, уехавшего в таинственный Египет, и некоторые из его воспитателей, в числе которых находился горячо любимый всеми казачатами ген. И. И. Рыковский, инспектор классов. Ген. Рыковский взял на себя инициативу собрать распыленных по воинским частям кадет и образовать ответвление уехавшего за границу корпуса. Идея эта была Донским Атаманом одобрена, и к концу весны 1920 г. около ген. Рыковского в гор. Симферополе было несколько десятков побывавших уже на фронте кадет, с которыми он в начале июля переехал в „Донскую столицу Крыма“. — Евпаторию.

Евпатория в это время кишела тысячами беженцев-казачков, для детей которых были широко открыты двери Корпуса. Ряды корпуса быстро полнели и ко времени эвакуации из Крыма списочный состав превышал две сотни. Едва начали входить в колею занятия, как они были прерваны тяжелой вестью о взятии большевиками „укреплений“ Крыма. В это время в Евпаторийском порту не было пароходов. Началась паника. Корпус собирался предпринять „махновский переход“ в Севастополь и ген. Рыковский отдавал уже последние приказания к отходу, как послышался радостный крик о подходе к бухте пароходов. Получив из интенданства Дон-армии папачи и несколько полушубков, кадеты ночью двинулись для погрузки на пристань, где уже происходила для всех хорошо известная картинка.

На старый пароход „Добыча“ кадет, как селедок, набили в носовой трюм.

Следует отметить, что с первых же дней эвакуации казачата вплотную столкнулись с обычным пренебрежением к казакам, в частности к кадетам, которых некоторые чины Добрармии или еще больше представители ее тылов со злой насмешкой называли „серыми кадетами“, „народными“, „демократичными“ и т. п. (в корпусе около 80% состава того времени было сыновей простых, рядовых казаков).

В водах Босфора донцы встретились с врангелевским кадетским корпусом, называемым ныне Крымским, и состоящим преимущественно из дворянских сыновей. Врангелевские кадеты были размещены в гораздо луч-

ших условиях и были сыты и очень хорошо и тепло одеты, а донцы представляли из себя разноцветное сборище: кто имел гимназическую шинель, кто реально-го училища, кто полушубок, кто английскую шинель и вдобавок были полуголодны, хотя оригинально выделялись однообразием головных уборов — больших, лохматых папах. Ген. Рыковский и воспитатели (все были казаки) целый день раз'езжали по Босфору, кто в поисках обмундирования для кадет, кто продовольственных продуктов.

Не лишним будет привести здесь следующий случай.

Один из офицеров Крымского кад. корпуса просил для своих кадет хлеба. Ему ответили, что хлеб обещан донским кадетам. Тогда этот офицер начал французам рекомендовать казачат, как дикарей (указывая даже на косматые папахи), которые могут обойтись и без хлеба, на одном бульоне с нечищеным картофелем. Непода-

леку стоял преподаватель французского языка Маргаритов, казак Клетцкой стан., который, услышав „лестные“ рекомендации русского офицера, подошел к нему и на чистейшем французском языке просил его взять свои слова обратно. Офицер заперся. Тогда Маргаритов, обладавший большой физической силой, подняв на руки офицера, намеревался выбросить его за борт, лишь подбегавшие французы помешали этому делу.

Пробыв около двух недель в водах босфора, корпус перегрузился на „Владимир“ в югославянский порт Бакарро. Перед отходом парохода к нему под'ехал на катере Донской Атаман, который казачатами был встречен Донским гимном. С Донским же гимном кадеты покинули турецкие воды.

Первоначальное местопребывание Корпуса в Югославии был лагерь Стрнище, расположенный в глубине дремучего леса и бывшего некогда австрийским лагерем для военнопленных, среди которых были и каза-

Донские кадеты XXXV выпуска.

ки, оставившие здесь на кладбище несколько одиноких холмиков.

В Стрнище одновременно с донцами прибыл и Крымский Кад. Корпус. Последний был осыпан всеми благами И. Р. А. (Интенданства Русской Армии), но казачата были раздеты. Позже сербы прислали обмундирование, оставшееся от одного из австрийских кад. корпусов, и молодые донцы преобразились внешне в австрийцев. Крымцы пародировали, шеголяли, третировали кадет-казачков, „плебейских кадет“, но донцы всей душой погрузились в науки и быстро стали на первое место по постановке учебного дела.

Правда, с крымскими кадетами у донцов были „столкновения“, но в них верх был всегда на стороне донцов, хотя численность последних едва превышала две сотни, а первых было более 650 человек!

Жизнь Донского Корпуса в Югославии ждет своего детального освещения мы же лишь набросаем несколько штрихов, силуэтов.

Донской Корпус, это был уголок чисто-казачьей жизни. Здесь чужды были лозунги раздававшиеся в соседних бараках: „За веру, царя и отечество“, русский трехцветный флаг, здесь был чужой, соседний, но зато всем был дорог и близок свой сине-желто-красный, дороги были казачьи песни, которые пели казачата совместно со своими воспитателями. Во время гимнасти-

ческих состязаний донской флаг был почетным отличием для победителя. Во внутреннюю свою жизнь кадеты ввели старые казачьи традиции — был свой Круг, был свой Выборный Атаман, были есаулы, были свои законы, которые свято чтились и блюлись всеми и каждым.

Пробыв год в лагере Стрнище, корпус переменял свое местопребывание на крепость Билеча, расположенной в глухой Герцеговине на границе с Черногорией. По дороге в Билеча корпус еще втянул в себя казачат, главным образом кубанцев, которые находились при своих войсковых частях. Обосновавшись в крепости Билеча, кадеты быстро втянулись в работу. В Билеча особенно пользовались популярностью среди казачат мастерские прикладных искусств, посещаемость (по желанию) которых была чрезвычайно высока. И в этой отрасли казачата показали себя с хорошей стороны: на русской выставке в Белграде все экспонаты корпуса были премированы и быстро раскуплены.

Но вот директор корпуса ген. Бабкин (казак), сменивший перед этим ген. Рыковского, отстраняется от обязанностей директора и в корпус назначается ген. Перрет. Вступив в исполнение своих обязанностей, ген. Перрет усердно принялся искоренять „грязь казачьих хуторок“, вытеснять все казачье и насильно насаждать „русские порядки“. Донской флаг покрылся русским,

Донской Гимн — „Слався, слався православный русский царь“, донские кокарды перекрашивались в русские цвета и т. д. и т. д. Но этого мало: рука ген. Перрета была запущена и в святое святых казачат — их внутреннюю жизнь, их „собственную республику“, которую он назвал, как ныне некоторые казаки из заграничных федералистов, временным, переходящим пережитком...

Однако, молодые казаки интуитивно чувствовали, что не отзвучали в шуме угасших поколений идеи, за которые казачество боролось в свое время, вокруг которых оно спланивало вдохновенно тысячи людей. Нажим усиливался. Центральные фигуры, именно те лица, которые политически и морально были максимально ответственными за „московский гнет“, на которые особенно четко фиксировались ненависть и гнев казачат, были вне сферы формальной досягаемости, поэтому кадеты почувствовали, что нужна исключительная конспиративность, организованность и казачье самовоспитание. С этого времени Донской Корпус становится молодым фокусом нарастающего казачьего движения, лабораторией, в которой выработывалась благородная энергия казачат, источник коллективного действия, здесь они закаляют свой дух, закладывают настоящие казачьи основы внутреннего управления и погружаются

Кадеты на экскурсии в Герцеговине.

втайне от не казаков воспитателей, которые заменили старых воспитателей из казаков, в изучение Казачества, в знакомство с его прошлым. (В настоящее время всего два воспитателя Корпуса казаки, остальные не казаки).

И чем сильнее был нажим на казачат, тем сильнее возрастала их упругость, иногда даже выявлявшаяся в небольших „вспышках“. Нечего и говорить о том, как сильны были сепаратистские тенденции в корпусной жизни, построенной на подмене казачьего русским. Преследуя все казачье, или хотя бы его напоминавшее, только они, слепые неделимцы, могли думать, что уничтожат в молодых сердцах мысль о своем я, о Казачестве...

Не под чужим внушением, а исключительно из собственного существа почерпнули свое глубокое представление о бытии Казачества. Счастьем светились их глаза от сознания, что они самовоспитались, кладут и свою лепту на дело казачье. Таков выросший на почве некоторого романтизма сепаратизм казачат Корпуса — пионеров В. К. Великая заслуга его не только в том, что он развинул границы духовного понимания Казачества, заслуга его в том, что он укоренил это понимание глубже в самой жизни.

В 1926 году Донской Кадетский Корпус переехал в Босну в гор. Горажде, где и пребывает до настоящего времени, насчитывал в своем составе около 65 кадет-казаков.

В. Глазков.

В Белграде.

В воскресенье, 3-го марта, состоялось 5-ое Литературное казачье собрание.

На собрании выступал председатель Терского Правительства Е. А. Букановский, который прочитал доклад на тему: „Казаки-землепроходцы, колонизаторы и завоеватели Сибири“.

Доклад, сам по себе интересный, изобилует красочно описанными подвигами казаков на далеком севере и главный герой-казак С. Дежнев вызвал у присутствующих действительную и должную оценку. Докладчиком были приведены тексты его переписки с Москвой. Раненый много раз стрелами иногородцев, перенес голод и холод и массу лишений, этот закаленный в бурях Ледовитого океана, в снежных метелях и жестоких боях с превосходящим чуть ли не в двадцать раз противником, казак С. Дежнев так и не получил от Москвы „звание“ сотника, о котором он мечтал.

Имена других казаков-колонизаторов и завоевателей Сибири, были так-же восстановлены докладчиком в памяти присутствующих — это казаки Буза, Подскребаин, Стадучин, Морозко, Селиверстов и др.

Е. А. Букановский остановился так-же на легендарной личности Ермака, указал на то, что Ермака звали — Василий Тимофеевич Повольский и что погиб он 6-го августа 1584 г. в Иртыше.

Вторым выступил В. П. Курганский со своим новым рассказом „Клятва“. Приходится вполне справедливо отдать дань молодому кубанскому писателю в том, что ему весьма удаются его произведения. Необходимо только больше разнообразить сюжеты.

Поэт П. С. Поляков прочитал свои стихи.

Несколько рассказов Н. Зоценки (теперешний советский писатель), прочитанных П. Поляковым, вызвали веселый смех, а оговорка, что „по слухам“ Зоценко — кубанец (как и Менделеев — донец) пришлось присутствующим казакам особенно по душе.

Запрещают читать „В. К.“

Из письма от кадета Донского корпуса приводим несколько выдержек.

„Директор корпуса ген. Е. В. Перрет запретил в корпусе журнал „Вольное Казачество“. Запрещение касается и казаков-офицеров из персонала корпуса...“

По сведениям, существует мнение, что в корпусе ведется подготовка будущих „кадров“ самостоятельных. К искоренению „вредной пропаганды“ приняты все меры. К чему приведет этот последний и решительный нажим — покажет будущее. Видно, опыт всех выпусков, начиная с 35-го (кошевики), прошел даром“...

Г. И. Самойлов, казак - художник.

Григорий Иванович Самойлов родился в 1904 г., 8-сентября, казак ст. Аксайской В. В. Донского.

Уже шести лет он поступил в художественную школу в Таганроге, а потом, учась попутно в гимназии, 12 лет стал помощником декоратора в Таганрогском театре. Через полгода он становится декоратором. С малых лет, будучи очень талантливым и имея большие способности к живописи, он, мальчиком, борется с порабителителями наших Краев, рисуя агитационные плакаты.

Эвакуировавшись вместе с отцом, донским полковником, он поступает в Донской Кадетский Корпус и тут первой его большой работой были Корпусная церковь и театр. Он также писал декорации и для сербского городского театра. Будучи на каникулах в Белой Церкви, разрисовал стены в Донском Институте. Мотивами его творчества были: Ермак, Платов, казачьи гербы и эмблемы.

По окончании Корпуса, Г. И. Самойлов поступает в Белградский Университет, на архитектурное отделение. Со смертью отца, молодой казак-художник остается один и, пробивая себе дорогу кистью, работает с успехом на две сербские фирмы „Николич“ и „Косово“. Им он пишет художественные табло для школ, для Военной Академии, для банков, и Союзов.

Еще на Лемносе, на Казачьей выставке, он получил I-ую и 2-ую премию за иллюстрации сказок полк. Калинина (18 драхм) и за карикатурную диаграмму.

В Белграде он пишет адрес Пашичу от галлиполийцев, Королю от Сокола, Американской миссии от Белградского студенчества. Им были нарисованы национальные игральные карты для Югославии, дипломы для отбывших воинскую повинность, всевозможные проекты и портреты.

Он иллюстрировал две книжки сказок, нарисовал обложки для книг и журналов: „Наполеон“. — Д. Мережковского „Под небом Югославии“ — Бурнакина „Песни Воли“ — П. Полякова (в печати).

Г. И. Самойлов.

Для журн. „Русский Сокол“, „Донец“, „Наука и Жизнь“, „Сокольский календарь“ и масса карикатур в сербские газеты, преимущественно в „Речи“.

Был художником-энтомологом при министерстве Народного Здравья где и был издан альбом его работ. Для Всестуденческого Съезда он рисовал карикатуры-диаграммы на студентов и эта его работа побывала в Женеве, где и была продана. В настоящее время она в Англии.

На многих своих работах Самойлов провел казачьи мотивы, так на адресе поднесенном Штрандманом (быв. рус. послом) от Красного Креста королеве Марии — нарисованно: „прощание казака“.

Многие казаки знают плакаты Г. И. Самойлова, которые он всегда с охотой исполнял для казачьих вечеров и творчества его, известное не только в казачьей среде, но и между русской Белградской колонией, уже проникло даже во дворец и он был представлен королеве.

Пожелаем же нашему казачьему художнику высоко нести знамя нашего искусства и да поможет ему Бог в его прекрасном деле — иллюстрировать нашу Казачью Историю, которую, мы надеемся, редакция Вольного Казачества издаст в недалеком будущем.

Б. К.

В Софийской станице.

3 марта 1929 г. в Софии, в помещении „младежского христианского дружества“, состоялся сбор Софийской общеказачьей станицы со следующей повесткой дня:

1. Атаман станицы М. А. Петров доложил сбору станицы о тех работах, которые сделало правление станицы за истекший год, обрисовав ту тяжелую обстановку, в которой пришлось работать.

2. Председатель ревизионной комиссии П. С. Чебураков доложил сбору станицы отчетность оборота денежных сумм за тот же год.

3. Денежная отчетность была признана правильной и расходы, сделанные правлением станицы, законными и утверждена сбором станицы.

4. Станичный сбор выразил благодарность старому правлению станицы за его работу для блага станицы.

5. Ввиду изменения жизненных условий станицы, Культурно-просветительная комиссия при таковой сбором станицы, по предложению правления, упразднена, но зато число членов правления увеличено.

6. В состав нового правления избраны: в Атаманы станицы М. А. Петров; в члены правления: И. Ф. Разсказов, К. В. Поляков, П. В. Нос, П. С. Чебураков и Чаусов. Кандидатами к ним: Просвириков, Пичугин, Самсонов, Алатарцев и Гудзенко.

П. Н.

Годичное собрание студентов-казаков в Праге.

В Праге 9 марта с. г., в залах „Januše“, состоялось очередное годичное собрание членов Общеказачьей станицы, живущих в Праге и ее окрестностях (Пражский студенческий хутор). На повестке дня стояли следующие вопросы: а) доклад заведывающего делами хутора, б) выборы делегатов на VII станичный сбор, с) текущие дела.

Монархисты, объединившись с так же малочисленными сменовеховцами, пытались сорвать собрание, имевшее якобы, по их мнению самостоятельное значение. Однако, усилия „черно-красного блока“ оказались тщетными — собрание по примеру прошлых лет успешно продолжало вести свою деловую работу.

Доклад Заведывающего делами хутора собранием был принят к сведению и одобрен.

Затем было приступлено к выборам делегатов на станичный сбор. В результате тайного голосования монархическо-сменовеховское объединение провалилось, не проведя ни одного своего кандидата.

Собранием было послано приветствие Терскому Атаману по случаю десятилетия со дня вручения ему Атаманского пернача Терским Войсковым Кругом.

Предложение — послать приветствие Т. Н. Милюкову по случаю его 70-тилетия — было отклонено.

С 27 марта по 31 в Праге в залах „Pajera“ будут происходить заседания VII Станичного Сбора, на котором будут присутствовать делегаты от всех студенческих хуторов, находящихся в Чехословакии.

Как я приехал в Северную Америку.

Более шести лет тому назад я, по прибытии на II съезд русского эмигрантского студенчества в Праге, стал во главе кружка студентов, приехавших из Болгарии в Чехословакию и начал посылать „кроки“, для жаждущих попасть „по стопам пешего хождения“ без виз из Болгарии в Прагу—Мекку эмигрантского студенчества. По этим „крокам“ очень многим студентам удалось прийти в Прагу и теперь уже закончить высшую школу в Чехословакии.

В настоящее время, зная как остро стоит вопрос с деньгами в Праге для лиц, окончивших высшие учебные заведения в Чехословакии и желающих выехать в Новый Свет, как в Северную, так и Южную Америку, я и хотел поделиться теми сведениями о дешевом пути, которыми я лично располагаю.

Выполнивши все формальности по получении визы в С. А. Соединенные Штаты и купивши билет до Антверпена, я 31 декабря 1928 г. выехал из Праги с парижским экспрессом. В дороге имел две пересадки: первая Нюрнберг (Бавария) и вторая в Брюсселе. На другой день, т.-е. 1 января я был уже в Антверпене. По прибытии, направился в Международный дом моряков — International Sailor's Home, Rue Ancerrnri № 20 (по-фламандски читается Анкеррой). Здесь я заплатил 98 бел. фр. вперед за неделю (из расчета 14 фр. в день) и за то получил комнату с постельным бельем, завтрак, обед, ужин. Стол не особенно изысканный, но зато далеко сытнее пражских русских столовых. После того, как я разложил вещи и привел себя в порядок, я направился к профессору Тейчу (адрес: Prof. Taitch J. Avenue de Belgique 198) взять письмо к секретарю большого бельгийского пароходного О-ва Lloyd Royal Belge к г-ну Каплану, с просьбой принять меня на льготных условиях на пароход, отправляющийся из Антверпена в Нью-Йорк.

Проф. Тейч очень мило меня принял. Я сказал ему цель своего визита и он мне моментально дал письмо к г-ну Каплану. Между прочим, проф. Тейч живет в Бельгии 40 лет и 32 года читает русский язык в коммерческом Институте в Антверпене и Университетах Льежа и Гента. Пользуется большой симпатией высшего бельгийского общества. Секретарь О-ва, г-н Каплан, был его студентом по Коммерческому Институту.

С рекомендательным письмом, 2-го января я направился в пароходное О-во на Rue de l'Ammon № 1 и предъявил адресату письмо. Г-н Каплан тоже был очень любезен. Спросил только, сколько я имею денег

и в качестве кого я хочу ехать. Я сказал, как пассажир. Он направил меня к одному чиновнику О-ва, который выдал мне билет I класса на товарный пароход „Patagonier“ за 40 долл. (вместо 85 долл.), затем я заплатил 8 долл. налог за въезд в Америку и 3 января выехал в Нью-Йорк. В дороге я имел прекрасный стол и отдельное купе в первом классе. Ехать, правда, пришлось долго.

18 января мы приехали в Нью-Йорк. После короткого опроса комисара иммиграции, я свободно вступил на землю Северной Америки. Теперь я уже прожил в Нью-Йорке почти месяц и могу пока сказать, что счастливый для меня тот день, когда я выбрался с вулкана Европы. Многим хочется поделиться об Америке, но об этом в следующий раз.

Инж. Агр. П. Колачов.

13-II-1929.

В Братиславе.

Пополнить культурные ряды Казачества пришел черед и Братиславскому Университету имени Я. А. Коменского. До конца настоящего учебного года должна будет кончиться Университет первая группа казаков-студентов — около десяти человек (все медики)...

Честь быть первою ласточкой выпала на долю кубанца Сергея Ефимовича Зиньковского. 16 марта с. г. он был в торжественной обстановке, провозглашен „доктором всех медицинских наук...“

Б.

В Казачьих Землях.

Восстание на Дону.

Из достоверных источников с Дона нам сообщают, что в конце января сего года в Верхне-Донском округе вспыхнуло восстание, которые быстро перебросилось в верхние станицы Второго Донского и Донецкого округов. В восстании принимали участие совместно с казаками и коренные крестьяне.

Восстание было быстро беспощадным огнем и мечом красных оккупантов ликвидировано. По свидетельству участников, в восстании погибло около 5000 человек, много сослано на Север; отделения Г. П. У. Сталинградской губ. переполнены, ожидающими со дня на день смерти казаками и крестьянами. Отклики восстания уже докотились и до казачьей эмиграции, среди которой казаками получены письма, сообщающие о тяжелой гибели их родных в этом взрыве.

На Кубани.

(Продолжение.)

В соответствии с духом соввласти, на Кубани проведено и административное управление. Как известно, станицей управляет выборный сельсовет, председатель и секретарь которого являются исполнительными органами, оба они всенепременно коммунисты, иных центр никогда не утвердит,

Объединение нескольких станиц составляет район, во главе которого стоит райисполком, здесь коммунистов уже больше — президиум его состоит исключительно из партийцев.

Райисполком состоит из райсовета, последний почти никакой роли не играет, все дела ведутся президиумом — который собирается раз в неделю. Непременными членами президиума состоят: председатель, секретарь, управляющий районным промышленным трестом, заведывающий финансовым отделом, заведывающий административным отделом, заведывающий народным образованием, народный судья, помощник прокурора, заведывающий местным хозяйством и две чрезвычайно важные особы, без которых ни одно заседание не смеет быть открыто, — секретарь районного комитета и

уполномоченный ГПУ. В случае надобности, для докладов, приглашаются спецы по известным отраслям, которые, строго отвечая за все неполадки по вверенной им отрасли, абсолютно никакими правами не пользуются.

Несколько районов составляют округ, управляемый окрисполкомом, состоящим из окрсовета и президиума. В состав президиума входят лица, занимающие указанные выше должности, но уже в окружном раз- мере, и кроме них все председатели райисполкомов.

Краевой исполком построен по такой же системе и принципу. Вся власть на Кубани, за малым исключением в районах — пришла я.

Правового порядка на Кубани не существует, все разговоры о нем являются только пустой болтовней.

Централизация в Казачьих Землях проведена прямо идеально и бюрократизм классический.

Такого бюрократизма наверно и нигде не было.

Наиболее соприкосновения имеют жители с милицией, о системе комплектования которой говорилось ранее; высший ее состав состоит из коммунистов и преимущественно из имеющих орден красного знамени.

Станичная милиция назначается райисполкомом и подчиняется заведывающему административным отделом, который ведет и уголовный розыск. В такой же последовательности идет и подчинение вверх.

В районе существует народный суд, решение которого можно обжаловывать в суде окружном, постановления этого последнего по делам народного суда являются окончательными. Штрафы установлены только до 3-х рублей, но могут быть накладываются до бесконечности, как судом так и в административном порядке.

Живут на Кубани весьма скудно, в особенности с тех пор, когда в 1920 г. нахлынули пришельцы и коренному населению пришлось „потесниться“; в станицах казаку пришлось потесниться во дворе и принять „гостей“ волей-неволей. В городах население увеличилось, а количество построек против довоенного времени сократилось.

В Екатеринодаре сейчас около 150 тыс. жителей, а построек меньше, чем в 1913 году, т. к. много жи-

лиц, вследствие отсутствия ремонта, развалились. В сравнении с городом, квартирный вопрос в станице обстоит немного лучше.

Не так давно был издан закон, дающий известные льготы тем, кто хотел бы строиться, но население соввласти не верит и охотников на постройки капитальные не находится. Закон этот нашел отклик у рабочих, которые начали ставить мазанки за городом Екатеринодаром по направлению к Чистяковской роще, но против этого сильно встали коммунисты, находя в строительстве развитие чувства частной собственности, а вместе с тем уклон в мелкобуржуазно, а буржуазия продолжает быть „исчадием адовым“ для соввласти.

Еще так сяк сносно обращаются с нужными соввласти спецами, хотя общее отношение к ним никак нельзя охарактеризовать иначе как скверное, ну и понятно что спецы платят той же монетой. Надзор за спецами невозможный и чем ответственнее их положение, тем больше за ним доглядывают.

Наш технорук принимал деятельное участие в судьбе построенного в станице Кавказской завода для вытяжки из семян химическим способом подсолнечного масла. По его мнению затея эта была пустая, т. к. само производство дорогое и долгое, а выход масла всего на 2% больший, чем обыкновенно, зато качество масла несравненно худшее, а макуха совсем никуда не годная — только на топливо.

Перед постройкой завода совсем не думали что из этого выйдет, ухватились за новинку в идее, ну а спецам какое дело! приказано строить, значит строят, а что из того получится они и сами не знают.

Так везде и во всем, безтолковщина и дуротятство.

Разительный пример этого — постройка нефтепровода на Кубани. Нефть занимает сейчас первейшее место в совэкономической политике. Бакинская и Грозненская нефть — это единственный продукт, который у соввласти пока не иссякает и который идет за границу, давая нужную валюту.

Добыча нефти превосходно поставлена в бакинском и грозненском районах и весьма удовлетворительно в хадыженском. В настоящее время, в ударном порядке, увеличивают туапсинский порт, дабы увеличить возможность пропуска нефтяных пароходов. Нефть вывозится за границу из двух портов — батумского и туапсинского; до которых положены нефтепроводы, усиленно охраняемые, т. к. их постоянно портят и крадут из них нефть.

Туапсинский нефтепровод проложен от Грозного с колоссальными затратами, идет он через Георгиевск, баталпашинский отдел, лабинский и майкопский, но сейчас он не работает.

Отпуск нефти за границу производится по очень пониженной цене — в то время, как своим совучреждениям она отпускается по 80 коп. пуд, за границу она идет по 35 коп.

На Кубани и Тереке известно, что в настоящее время за границей идут переговоры о том, чтобы из сумм, выплачиваемых советам за нефть, отчислялось 5% в пользу бывших владельцев нефтяных источников, из этих 5% будет образован фонд для возмещения понесенных ими убытков и как соввласть ни ежится, а вынуждена будет согласиться, т. к. иначе иностранцы угрожают прекратить покупку.

Вообще соввласть склонна делать большие уступки капиталистическому миру, так например, в СССР вполне решен вопрос о признании долгов России за границей и только придумывают способ, под каким соусом приподнести это признание правоверным коммунистам, чтобы не была вызвана буря протестов.

Все рекламные мероприятия соввласти обанкротились и ей ничего не остается делать, как пускаться по капиталистической дорожке.

Одним из таких рекламных предприятий было устройство на казачьих территориях „хлебных фабрик“. Для осуществления этой мысли были обработаны специально американские духоборы, эмигрировавшие из России в царское время. К ним были посланы специальные агитаторы коммунисты, работа которых увенчалась успехом — духоборы уверовали что наилучшую жизнь они обрящут только в Совдепии.

Внимание коммунистов было направлено на духоборов аргентинских, которые не вняли голосу и предостережениям аргентинского правительства и ликвидировав свои хозяйства, решили отправиться на Кавказ. Был зафрахтован специальный пароход, на который погрузили с.-хоз. машины, грузовые автомобили, тракторы, племенной скот и личное имущество. При приезде в СССР их встретили с помпой и радушно; соввласти охотно обменяли привезенные ими 350.000 долларов на червонец по золотому, довоенному курсу, хотя червонец стоял вдвое ниже; реквизировали у духоборов легковые автомобили и попросту отобрали грузовики т. к. и те и другие нужны были совучреждениям больше, чем колонистам; из с.-хоз. машин было им оставлено столько, сколько, по мнению представителей соввласти необходимо было для обработки отведенной земли, а остальное отобрали и распределили по совхозам.

Земля для духоборов была отведена на пустырях за ст. Торговой. Привыкшие к упорядоченной жизни, колонисты, в новых условиях, начали страдать от болезней, голода и совпорядков; среди них начало проявляться недовольство. Тогда ГПУ арестовало главу общины духоборов, и отправило его в Москву, а других видных членов рассадил по местам заключения в других городах. Никакие мольбы духоборов о пощаде и помощи не помогли; писали они своим в Аргентину, но ГПУ писем не пропустило; удалось только нескольким ходакам проскользнуть за границу и теперь они организовывают реэвакуацию доверившихся, но все их затеи остаются безрезультатными.

Соввласть не проявляет никакой серьезной заботы о поддержании жизненных сил населения Сев. Кавказа, а только обдирает его.

Санитарные условия отвратительны, все то, что было налажено Войсками, разрушено, а нового не создано.

В каждом округе имеется окружное санитарное управление, но от него толку мало. Совбольницы имеются только в районных станицах, но от них толку мало — лекарств в больницах нет, медицинский персонал из рук вон плох; старых врачей осталось едва ли 20% по сравнению с довоенным временем, а новые врачи, это просто горе врачи; по сравнению с ними старые медицинские фельдшера прямо боги в медицине. В больницах лечат больных бесплатно, но „буржуй“ может быть принят только в городскую больницу, в станичных для него места нет, и лечение буржую обходится очень дорого, с него дерут семь шкур и на смертном одре.

Плохо и с народным образованием. Старых учителей мало, а новые это, в полном смысле этого слова, неучи, даже и политграмоту не твердо знают. Общий недуг Кубани это отсутствие педагогического персонала вообще, т. к. материальные условия их существования ниже всякой критики — мало-мальски добродетельные люди бегут от учительства, так плохо стоит дело в смысле обеспечения жалованьем, пайком, квартирой и т. п.

Школ мало и в них могут учиться только дети „трудящихся“, для остальных доступ закрыт, а иных школ, кроме советских, нет, не разрешается.

Школа и население стоят друг от друга очень далеко и не имеют между собой абсолютно никаких вопросов, которые бы их сблизали. Школа на Кубани — это „номер“, который надо отбыть, ибо в ней меньше всего занимаются наукой, но за то много неладов и беспорядков. Многие стараются учить детей дома. Дети совработников должны обязательно состоять в пионерах и многие родители бегут со службы, чтобы охранить детей от разлагающего влияния комсомольщины.

С высшими учебными заведениями дело тоже безотраднее; профессорский персонал слабый, старых мало, а студенты комплектуются из молодых людей с недостаточной подготовкой.

В результате чего на рынке труда масса безработных совиженеров, совмедиков и др. лиц с высшей совквалификацией — никто их не хочет, а итти в глушь, на окраинную совслужбу они сами не хотят и в то же время заграничные спецы ценятся на вес золота, рав-

но как и дореволюционные отечественного производства.

Духовной жизни никакой и поэтому не удивительно, что население ударяется в религию и сектанство; несмотря на все мероприятия соввласти и компартии религиозное движение растет и ширится. В церковь и на молитвенные собрания ходят просто из-за протеста против соввласти даже те, кто раньше был индифферентным к религии. В религии люди хотят найти успокоение, поддержать надежду на освобождение от соввласти и даже выразить правду, весьма скрыто и глухо, но все же, протест против существующего режима. Борьба с религиозными настроениями безнадежна и безуспешна.

В особенном гонении церковь тихоновская, ее служители, начиная с псаломщика, подвержены всяким тяготам и обложениям, но церковь держится и половина станичных церквей принадлежит церкви патриаршей, а не советской — синодальной.

[Окончание следует].

Война хуторян с советскими хозяйствами.

Это произошло между хутором Омельченковым и племенным хозяйством № 5 общества „Овцевод“ в Мечетинском районе, Донского округа.

При советском землеустройстве к племенному хозяйству „отошла“ часть земель хутора Омельченкова, преимущественно населенного бывшими красными партизанами. По советским законам землеустроительные проекты вступают в силу лишь после того, как их утверждают соответствующие учреждения и новые границы будут проведены в натуре. Это еще не было сделано. Поэтому жители хутора продолжали пасти свой скот на этом участке.

С формальной стороны они были правы. Но правление племенного хозяйства решило повести с хуторянами настойчивую борьбу за этот участок и отдало объездчикам племенного хозяйства распоряжение сгонять хуторской скот с этой земли, а если скот появится вторично — загонять его в племхоз.

Попытки сгонять скот породили нездоровые отношения между племхозом и соседними хуторами, которые подавали в племхоз заявления с просьбой урегулировать вопрос и разрешить им хотя бы до весны пасти скот на участке.

Ни одно из этих заявлений и просьб никакого разрешения не получили.

10 ноября объездчики племхоза пытались загнать пасущийся скот хуторян в племхоз, но пастух хуторян пробовал защищать доверенный ему скот. Тогда один из объездчиков выстрелом из винтовки убил пастуха.

Возмущенное этим событием население хутора в количестве более ста человек бросилось в племхоз, избив ряд работников племхоза до потери сознания и приступило к разорению ненавистного племхоза. Едва удалось прекратить избиение и успокоить хуторян.

(Молот, 2251)

Слияние Донского и Таганрогского округов.

Таганрогский округ крайне незначительный по количеству населения и размерам своей территории и не имеет надлежащих перспектив на самостоятельное экономическое развитие. Между тем, аппарат округа поглощает значительные средства на свое содержание.

В связи с этим, Краевой Исполнительный Комитет признал нецелесообразным дальнейшее существование Таганрогского округа в качестве самостоятельной административно-хозяйственной единицы.

Округ решено ликвидировать и полностью включить его в состав Донского округа. Целесообразность объединения округов, как говорит решение Крайисполкома, диктуется торгово-экономическими и политическими соображениями, географическим их положением и удобствами путей сообщения.

Новый объединенный округ будет называться Донским.

Одновременно президиум Крайисполкома решил перенести окружной центр Донского округа из гор. Новочеркасска в гор. Таганрог, как крупный промышленный пролетарский центр, имеющим в этом смысле явное преимущество перед всеми городами Дона, в том числе и Новочеркасском.

Президиум Крайисполкома ныне обращается в президиум ВЦИК (в Москву) с просьбой рассмотреть и утвердить это решение, чтобы фактически осуществить слияние округов в период предстоящих окружных съездов советов. Объединенный съезд советов назначен 24 марта в гор. Таганроге.

Вопрос о целесообразности существования Таганрогского округа, как самостоятельной административно-хозяйственной единицы еще раньше обсуждался административной комиссией при Крайисполкоме. Выделение Ростова из состава Донского округа поставило этот вопрос на повестку дня и краевая административная комиссия пришла к заключению, что Таганрогский округ необходимо ликвидировать и объединить с соседним одинаковым по экономике Донским округом.

Заметки со съезда агрономов Северо-Кавказского Края.

Многие делегаты выходили на трибуну, чтобы осветить вопрос, кем был до сих пор советский агроном в крае.

Констатировали, что агроном был заперт в канцелярии. Агроном отдавал земле всего двадцать процентов своего рабочего времени. Остальное время целиком уходило на выполнение канцелярских заказов. Советский аппарат давит на агронома. Аппарат не дает агроному возможности выполнять непосредственную его работу. Аппарат часто тушит мысль агронома, направленную непосредственно к земле, присылая сногшибательные по количеству вопросов анкеты и требуя немедленного ответа на них.

Выступившие на съезде делегаты просили, чтобы съезд снял их с „должностей“ — „сторожа при питомнике“, „милиционера при совете“, „конюха при членах совета“ и „канцеляриста, составляющего грузные отчеты...“ приводя при этом ряд фактов незавидного положения агронома.

Так, один из делегатов говорит, что в постановлении Крайисполкома сказано: „посадить агронома на коня для того, чтобы он мог объезжать свой район“. Это постановление поняли и выполнили таким образом: „посадили коня на агронома“ это почти буквально. Дали коня агроному и предписали скоблить, мыть, кормить и поить его, потому что в организации сидят люди, которым часто нужен вымытый, хорошо выкормленный, бодрый конь. Так агронома превратили в конюха.

Или в одном из районов агроном тяжелым трудом и глубокими заботами создал опытный питомник, потом пошел просить охраны для питомника, который мог быть хищнически разорен, но ему „вдумчивые“ люди из советского учреждения сказали — Сам состроил, сам и сторожи...

Стал агроном сторожить свой питомник и, кажется, и до сих пор его сторожит...

Во многих местах не платят жалования, а предлагают самим агрономам собирать лично свою трудовую копейку...

Письма оттуда.

15-го января 1929 г.

Жора! Я в настоящее время пишу тебе новости, которые не написал раньше. Прошлую зиму у нас многих арестовали на 1 мес., 3 мес. и на 6 мес., но в настоящее время их выпустили, только при таких условиях — за выкуп от 100-300-500 руб.

Среди арестованных был Е. П. Б. — бывший судья и другие должностные лица. А Федора Мат. и Якова Петровича отправили на Соловки...

Дорогой брат, а у нас жизнь очень хорошая — за нуждой нигде не ходим, она всегда при нас.

Товару нет, хлеба у многих не хватает. Осенью погода сгояла хорошая; зима теплая.

На базаре мука пшеничная от 4—6 руб. за пуд; ячменная и кукурузная от 2—3 руб.

Пшеница „Кубанка и Американка“ на рынке — два с половиною руб. за пуд; ячмень — 1 руб. 30 к.; кукуруза — 1 руб.

Зачем вся эта суета? Познай, откуда ты и кто ты есть? Зачем пришел, куда идешь? Что ты велик, а ты — ничто... Что ты бессмертен, а умрешь. Открытки твои получили.

Дорогой А. И., кролиководством я интересовался; были у меня, но к сожалению не пошли, — крупных нет. Наши агрономы не могут помочь в этом деле — на словах уже больно притки наши товарищи, а на деле ничего не стоят, как говорят — пускают мыльные пузыри.

Простите за откровенность; меня немного удивляет то, что за все время вы не коснулись вопроса — какова в настоящее время жизнь на Руси; или быть может вы представляете всю прелесть новшеств; думаю — поймете!

Ты, Кубань, ты наша Родина, навевает одну лишь грусть...

1929 год. 8 янв. ст./ст. Из ст. отец пишет сыну:

Здравствуй сын, поздравляю я Вас с Новым годом и с Новым счастьем, дай Бог, чтобы Вы и мы дождались покорения неверных Христу. Замучили нас безбожники. Самых лучших людей уже нет, а других лишили голоса, состоят по списку 259 человек лишенных, кроме того они еще должны платить рублей по 15 за душу...

Еще мы слышали, что в нашей станице будут 15 домов отбирать в государство, более кирпичные дома, а в Усть-Лабе домов 40 хотят отобрать. А как ты нам посоветуешь(?). Мы хотим вал отломать и придел, чтобы был меньше наш дом.

В нашей потребиловке мануфактуры совсем мало; кто укладчик, то ему за 5 месяцев досталось получить метров по 10-15 на семью, а в частных лавках очень дорого; ситец метр — 1 руб.

Сами пахать не имеем право свою землю, дожидай когда скажет агроном и что скажет сеять, и дают семена из Государства, но за эти семена не расплатишься Государству, даже есть охота от земли отказаться,

но нечего будет есть. Вот на нашу долю упала беда такая.

Зима у нас слабая, градусов 8, и снег есть. Мы теперь живем так, прошел день и ночь — слава Богу...

Весной 1928 г. А. Ч., Ф. И. и П. поломали свои дома, а у И. Г., Ф. П., Н. А. К. дома отбирают в Государство; дали им 2 недели отсрочки, говорят — можешь жаловаться на это. Мы слышали, что станицу Некрасовскую уже перевели всю в коллектив, работать всем вместе и обедать из одного котла. Это хорошо, казаки наверно не будут свистать на своих генералов — лет на 1000 будет верными своему долгу; только верным казакам скверно переносить это время, которому не видно конца.

Боже милосердный, где наши спасители?

Идите скорей, какой угодно ценой, а то дальше ни вы ни мы нужны уже не будем...

Я. Л. сидит у тюрьме, а хозяйство его растянули все... До свидания, ждем ответ...

Письмо с Дальнего Востока (Уссурийский Край).

Здравствуйте милые дети и милые внуки! Шлю Вам сердечный привет и в жизни Вашей всего наилучшего. А теперь я Вам пропишу про свою жизнь: живем покупда незавидно; нынешний год плохой — очень лето было дождливое. Своим трудом набрал хлеба на полгода; посева было — пшеницы 3 дес., а овса $\frac{1}{2}$ дес., намолотил всего 9 мешков; проса с $\frac{1}{2}$ дес. 3 мешка; картофелю сажил много, а нарыл пудов 40. Тыквы, конопля и льна сеял по 1 дес., тоже намолотил мало.

Хлеб едим еще прошлогодний — скоро кончим. Скотины имеем: 1 пару лошадей, 1 корову и телка, 1 свинью и одного подвинка; птицы имеем подле первых годов меньше, потому не можем водить, что самим нечего есть.

Пшеница у нас погибла, потому что завели хорошие семена — название Штрубе, поэтому буду судиться. Сейчас у нас сеют рис. Теперь у нас дороговизна — одна шапка стоит 15 руб.; валенки 25 руб.; сахар — 30 коп. фун.; мясо — 30 к. ф.; картофель — 1 пуд 1 руб.; капуста — 100 шт. 15 руб.

У нас частной торговли нет — только кооперативы. Мы тоже внесли паек в 10 руб.; только надо долго стоять и дожидаться пока отпустят что надо. Иногда же и нет того, что надо. Всего у нас 2 лавки.

Поезда ходят 3 раза за неделю, а товаро-пассажирских совершенно нет.

С тем досвидания...

Библиография.

Книга профессора В. Л. Котвича.

Вышло в свет второе издание грамматики калмыцкого языка под названием: „Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка“. Автор книги — известный ориенталист-монголист проф. Котвич. Книга имеет XI + 418 стр. Предисловие печатано типографским способом, остальное — литографировано. Издатель книги — Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в Чехословацкой Республике (Revnice u Prahy, čís. 120).

Труд проф. Котвича является большим событием в культурной жизни калмыков, а издание этой книги — самым крупным национально-культурным вкладом калмыцкой эмиграции в дело национального возрождения Калмыцкого народа. Нужно поражаться вниманию, тщательности и любви, с какими проф. Котвич при крайне неблагоприятных условиях, оторванный от привычной научной среды, своих учеников, живого источника изучения языка — Калмыцкого народа, не имея возможности на живом явлении языка проверить свои научные принципы, переработав, дополнил свою Грамматику, первое издание коей было еще до революции в Петербурге.

Путь возрождения всякого народа непременно лежит через познание им самого себя. Один из величайших и обязательных источников познания народа — познание им своего языка, его законов, его эволюции. Язык есть и величайшее орудие мысли и величайший

продукт многотысячелетней культуры, мысли данного народа. Знание его культуры, мысли, знания можно построить только на прочном, гранитном фундаменте познания, развития языка, литературы этого народа. Величайшей задачей национальной интеллигенции является создание этого фундамента.

Это является Началом и Концом (альфой и омегой) национальной культуры, национального возрождения. Калмыцкая интеллигенция, направившаяся по указанному пути, и ищущая всякие источники для познания своего родного языка, своей национальной культуры, несомненно с особенной признательностью, благодарностью отнесется к замечательному труду славного монголиста-калмыковеда проф. Владислава Людвиговича Котвича, б. много лет проф. Восточного факультета С.-Петербургского университета, а ныне проф. Львовского университета.

Нет сомнения, что калмыцкая интеллигенция и по эту и по ту сторону рубежа, как и всякий сознательный калмык вообще приложат все силы изучить, усвоить указанный труд проф. Котвича, положив его в основу дальнейшего познания и развития своего языка и литературы...

С внешней стороны книга издана красиво и тщательно.

Э. К.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 1.

Вышла из печати книжка

И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23 журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 2.

Готовится к печати книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.
II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной независимости (до 1671 года).

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.